

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

ПОЛКОВНИК ПРОТИВ ПОЛКОВНИКА
Максим ШАХОВ

Максим Анатольевич Шахов
Полковник против полковника
Серия «Полковник ФСБ
Виктор Логинов», книга 22

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174681

*Максим Шахов. Полковник против полковника: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-31542-0*

Аннотация

Полковники ФСБ Виктор Логинов и Григорий Кашеев – смертельные враги. Да и как иначе: Кашеев – изменник, подавшийся в преступники, на его счету ряд террористических актов, и он продолжает проводить дерзкие акции на юге России. Логинов давно охотится за этим оборотнем, не раз загоняя его в угол, но Кашей ловок и изворотлив, как змея, и столь же коварен и опасен. Но сейчас ситуация явно не в его пользу: он заблокирован в подземном гроте, выход из которого только через глубокий колодец, выходящий в море. Неужели террорист уйдет и на этот раз?

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	18
6	20
7	21
8	22
9	23
10	25
11	26
12	29
13	31
14	33
15	35
16	37
17	39
18	41
19	43
20	44
21	45
22	49
23	51

24	53
25	55
26	57
27	60
28	62
29	63
30	64
31	67
32	69
33	71
34	73
35	76
36	78
37	80
38	82
39	84
40	87
41	89
42	92
43	94
44	98
45	101
46	103
47	107
48	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Максим Шахов

Полковник против полковника

1

Моня высунулся из-за плеча растерявшегося сопящего Шварца и окинул быстрым взглядом территорию за аквариумом. Он сразу понял, что тут что-то не так, и повернул голову вправо. Тонкая труба, внутри которой уходил вверх к воздушному насосу электрический кабель, едва заметно дрожала. Моня мгновенно прижался спиной к стеклянной стенке, задрал пистолет и заорал:

– Он на аквариуме! По трубе залез!

Логинов и Шварц быстро вскинули оружие. В тот же миг вверху, на площадке обслуживания навороченного импортного насоса, раздался пронзительный металлический щелчок, и следом над Мониной усадьбой разнесся дикий, просто-таки нечеловеческий вопль. Тут же что-то тяжело плюхнулось в воду, и туда от углов огромного аквариума устремились два блестящих живых вихря.

– А-а-а! – зашелся в предсмертном крике съедаемый живьем человек.

– Ез! Ез! – донесся от уцелевшей фазаньей клетки радостный вопль. – Сработал капканчик!

Удивленный Логинов оглянулся. Вылезшая на карачках из фазаньего теремка Лизка с восторгом смотрела на верх аквариума. А там уже быстро расплывалось огромное бурое пятно. В нем отблескивали своими боками пираньи.

Сжав руку в кулачок, Лиза победно посмотрела на Логинова и крикнула:

– Будет знать в следующий раз, гад, как доверчивых девушек обманывать!..

Тут из-за плеча Логинова высунулся Моня.

– Эй! Я не понял, че за дела?! – рявкнул он. – А ну чеши сюда, звезда!

Лизка мгновенно утратила весь свой победный пыл и попятилась назад в теремок, из которого только что вылезла. Моня обогнул Логинова и крикнул:

– Вылезла из курятника и в темпе сюда! А то я щас Шварца подошлю!

Лизка выползла, прошлепала босыми ногами по фазаньим какашкам и вынырнула из клетки. В ее волосах торчали перья, ноги сверкали разодранными коленками. На ходу она быстро-быстро заговорила:

– Ну, Монечка, понимаешь, просто когда они меня украли и везли, Кашеев меня пытал! Сильно-сильно-сильно! – Тут Лизка очень ненатурально всхлипнула. – Ну и я ему сказала про миллион долларов, понимаешь?..

– Про какой, блин, миллион?.. – глухо спросил Моня.

– Как про какой? – затараторила быстро приближающаяся Лиза. – Про тот, который в аквариуме, на черный день! Но хоть он меня и пытал сильно-сильно-сильно, но я ему не сказала, Монечка, что миллион на дне! Я ему сказала, что он в насосе этом твоём итальянском...

– Охренеть не встать! – очумело моргнул, глядя на Логинова, Моня. – Я ж эту байду голимую насчет миллиона придумал в Одессе, чтоб тебе брелок втюхать. А Кашеев на нее как последний лох купился!

– На всякого мудреца довольно простоты! – хмыкнул Логинов.

В этот момент за стенкой бассейна что-то приглушенно цокнуло. Моня с Логиновым повернули головы и увидели опустившийся на дно обглоданный до костей труп. На его левой ноге хищно поблескивал зубьями лазерной заточки медвежий капкан.

– Так, а эту хренотень ты где взяла?.. – подобревшим голосом спросил Моня.

– В «Палладиуме»! – призналась Лизка. – Ну когда типа за гримом ездила!

– Эх! – вздохнул Моня. – Бахнуть бы тебе в глаз за твои фортели! Так ты ж вся в кашках, блин, потом фиг отмоешься!

2

Кашеев, одетый в форму украинской национальной гвардии, неслышно скользнул в густой тени за кустами к углу Мониного особняка. Он все еще не мог поверить в услышанное. Его, бывшего полковника Управления собственной безопасности и опера с двадцатипятилетним стажем, его, за кем уже почти год безрезультатно гонялась вся ФСБ, обманула тупая ялтинская проститутка. Как последнего лоха...

И сейчас Кашеев должен был быть мертв. Но его спасла счастливая случайность. Грабить Монину усадьбу на угнанном у украинских национальных гвардейцев танке «Термит» Кашеев первоначально собирался вдвоем с Якутом. Но в самый последний момент Якут все же уговорил его взять на дело третьего поделщика – Крота.

Когда танк поджег телохранитель Мони Шварц, Якут направил горящую машину в Монин бассейн. Кашеев через нижний люк десантировался первым, за ним вывалился Крот. Его Кашеев сразу послал за миллионом к аквариуму. А сам под прикрытием уже неуправляемого танка незаметно сместился за бассейн, чтобы обойти Шварца с фланга.

Но тут невесть откуда возникший Логинов в камуфляже расстрелял Якута из «винтореза». Кашееву только и оставалось, что затаиться за бассейном. Посланный Логиновым на разведку Шварц в бассейн заглянул, а вот за него – не дога-

дался...

Кашеев осторожно подался к просвету в кустах и высунул в него «АКСУ». До угла подсвеченного изнутри аквариума с пираньями было метров тридцать. Ближе всех стояла Лизка, за ней виднелся выраженный, как недостреленный афроамериканский рэпер, Моня. Его лысину прикрывала стильная уркаганская кепка от Армани, на голый торс была надета блестящая болоньевая куртка с пышным меховым воротником от «Дольче энд Габбана», под мышкой Моня держал черную трость с серебряным набалдашником в виде тонкой собачьей морды, в правой руке – пистолет. Моня и в самом деле был недостреленным, только не рэпером, а крымским бандитом. У него хватило ума смыться в Тибет и пережить пик кровавых разборок в Шао-Линьском монастыре. И вот теперь эта наглая рожа возглавляла созданную ею самой «Церковь истинного пути», то и дело мелькала на крымском телевидении и вообще каталась как сыр в масле...

Палец Кашеева невольно напрягся на спусковом крючке, выбрав слабинку. Он едва удержался, чтобы тут же не полоснуть по самодовольной Мониной физиономии автоматной очередью, а заодно и по Лизке, которую Моня подобрал на ялтинской набережной и приспособил в качестве личной маникюрши, парикмахерши и визажистки.

Почти полгода Кашеев жил мечтой о мести ловкому бандиту, переквалифицировавшемуся в церковного настоятеля. Ведь сперва Моня со Шварцем выловили его в Алуште и пе-

редали ФСБ в собачьем наморднике, а потом, когда Кашеев бежал из Москвы, Моня снова настиг его в Одессе и сбросил в море в закрытом экскаваторном ковше.

Но пока что стрелять было нельзя. Еще один заклятый враг Кашеева, полковник Управления по борьбе с терроризмом ФСБ Логинов, едва выглядывал из-за угла аквариума. А он был не просто опытейшим оперативником, а бывшим «альфовцем». Так что «гасить» в первую очередь нужно было именно Логинова, причем наверняка. И Кашеев, припав к автомату, стал ждать удобного момента...

3

– Здравия желаю, товарищ генерал! Это Логинов! – быстро проговорил в трубку Виктор. – Со скальпом Кашеева не сложилось, но мощи завтра утром в Чкаловский доставлю!

– Какие мощи, полковник?

– Кашеевские, товарищ генерал! Он в Монин аквариум к пираньям нырнул!

– Как это нырнул, полковник?

– Ну, это долго рассказывать, товарищ генерал, я потом в рапорте все опишу! А сейчас наши должны уже на флотском «газике» подъехать, так что вы, товарищ генерал, на счет борта позвоните, пожалуйста! Чтоб предоставили без проблем! А то летуны «двухсотых» очень возить не любят! Начнут стрелки переводить!

– Хорошо, полковник! Вы там не сильно наследили?

– Да я нет! Но Кашеев напоследок от души погулял! На танке...

– Как на танке?!

– Да не на нашем, товарищ генерал! У братьев-славян позаимствовал!

– А-а! Понятно... Тогда не расслаивайтесь там! Прямым на аэродром! И отзвонитесь, как только за КПП въедете!

– Есть, товарищ генерал! – быстро сказал Логинов.

В этот момент сверху донесся предупредительный окрик

Шварца:

– Поберегись! Майнаю!

Сверху на крюке с длиннющей ручкой, приспособленном для чистки аквариума, опустился труп Кашеева. Вернее то, что от него оставили пираньи. Лизка с приглушенным вскриком отступила за спину Мони.

Едва мокрое тело плюхнулось на землю, из-за угла аквариума с глухим рыком выскочил брюхастый, словно бы беременный, питбуль Мурзик. Вцепившись мертвой хваткой в торчащий между зубьями капкана берц и присев на передние лапы, пес преданными глазами уставился на Моню.

Однако тот на этот дешевый трюк не купился и с размаха пнул Мурзика:

– Пошел вон, говнюк!

Пес с жалобным визгом отпрыгнул и, поскуливая, умотал за угол. Моня проорал ему вслед:

– Все! Закончилась твоя лафа, дармоед! Готовься на приписную комиссию в военкомат! И на границу! Погрызешь там казенных мослов, научишься, блин, родину любить!

Сверху по лестнице от площадки для кормления начал спускаться Шварц. В этот момент у Логинова в руке зазвонил телефон.

– Да, Плотников! – быстро ответил он. – Да! Наверх и сразу во двор! Ворота открыты! За дом завернете два раза, увидите!

– Едут? – спросил Моня.

– Едут! – кивнул Логинов и оглянулся. – Да, Монь, придется тебе пока с заграничной поездкой повременить...

Моня окинул тоскливым взглядом разгромленное подворье и вздохнул:

– Еще и куры, черт, разбежались! До утра теперь ловить придется... Слышь, Вить, я лично против тебя ничего не имею, но дружба с вашей конторой мне в последнее время что-то дорого обходится. Так что ты это, Витя, в Крым пока не приезжай, ладно? Лучше в свои Сочи! Там и Олимпиада, и вода потеплее... Чтоб я хоть отстроился! Мне и так теперь, наверное, придется кредит льготный брать как инвалиду детства!

– Шутишь, что ли? Какой из тебя инвалид?

– Как какой? Обычный! Мне и пенсию в собесе насчитывают! А как бы я иначе от армии закосил? Пригодится теперь справочка! А то мне в банк и закладывать нечего! «Линкольн» – на обществе глухонемых, усадьба – на многодетном брате. Так что еще одного твоего приезда, Витя, я не выдержу! По миру пойду... Разносить искры истинной веры, блин!

4

Руки и шея Кашеева затекли, но он продолжал целиться, боясь упустить момент. Чертов Логинов все никак не выходил из-за аквариума – ни во время доклада в Москву, ни когда сверху на крюке опустился труп обезображенного пираньями Крота. И только когда Логинову позвонили, он наконец сделал шаг вперед.

Кашеев уже дернул палец на спусковом крючке, но в этот момент Логинова перекрыл спрыгнувший сверху Шварц. Кашеев едва сдержался, чтобы не выматериться от досады. Габаритами Шварц не только не уступал, но, пожалуй, даже превосходил «железного» калифорнийского губернатора-терминатора. Так что директрису он перекрыл намертво.

И тут со слов Логинова Кашеев вдруг понял, что флотский «газик» уже внизу, на Хаджибеевской слободке. Это означало, что замначальника контрразведки ЧФ Плотников с морпехами через две-три минуты будут у ворот усадьбы Мони. Кашеев мгновенно пригнулся и подался назад. У него еще было время, чтобы выбраться из мышеловки. Но только при условии, что он себя не обнаружит.

Кашеев, в отличие от Логинова, не прошел школу «Альфы», но оперативного опыта у него было даже побольше. Так что скрытно передвигаться, особенно в городских условиях, он мог не хуже профессионального спецназовца.

И Кашеев тут же ужом устремился к углу особняка Мони. Он был уже в метре от него, когда сзади вдруг зашуршало в кустах. Кашеев тут же метнулся за угол, резко развернув автомат. И замер от неожиданности.

На том самом месте, где Кашеев только что целился в своих врагов, выглядывала из кустов морда питбуля. Пес смотрел на Кашеева, чуть наклонив голову набок. Он явно колебался.

Лоб и нос Кашеева мгновенно покрылись испариной.

Он не мог стрелять, несмотря на то, что его «АКСУ» был с глушителем. Слишком близко было до аквариума. И двинуться с места Кашеев тоже не мог, поскольку в этом случае у пса сработал бы рефлекс преследования.

– Хорошая собака... – пошевелил пересохшими губами Кашеев. – Не трогай меня, и я не трону тебя. Зачем нам вдвоем умирать, верно?

Питбуль наморщил нос и вдруг обиженно покосился назад. Он явно вспомнил болезненный Монин пинок. В следующий момент Мурзик с шуршанием вылез из кустов. Его огромный живот только что не волочился по земле. Поэтому питбуль тут же плюхнулся на траву и широко зевнул. Всем своим видом он словно бы показывал – ладно, я тебя не видел, вали.

– Хороший пес! – прошептал Кашеев и подался назад, за угол.

Здесь он на миг замер, но никаких подозрительных зву-

ков не расслышал. Питбуль не собирался его преследовать, и Кашеев метнулся вдоль стенки дома к воротам. Он мчался со скоростью, которой мог бы позавидовать не один чемпион по бегу. Ведь у спортсменов на кону, как правило, всего лишь фальшивые «золотые» медали. У Кашеева на кону была жизнь.

Перед последним углом Мониного особняка он на миг притормозил. Осторожно выглянув, Кашеев увидел разгромленное танковой скорострельной пушкой здание КПП, сбоку от которого зияли рваной дырой проломленные ворота усадьбы. К счастью, ни возле них, ни за ними никого видно не было. Пока.

И Кашеев рванулся к пролomu напрямик через газон. Ветер буквально свистел в его ушах, в висках стучала кровь. С другой стороны, от Хаджибеевской слободки Симферополя к воротам приближался флотский «ГАЗ-66».

Обособняк Мони располагался на горе, преодолеть крутой подъем старому движку грузовика было непросто. Однако его натужный гул неумолимо нарастал. Кашеев слышал его все отчетливее. И понимал, что счет идет уже не на секунды, а на мгновения.

Проскочив ворота, Кашеев тут же рванулся влево и сиганул вниз, в темноту, на крутой склон. В следующий миг гул движка выровнялся – «газик» выбрался на небольшой прямой участок дороги, ведущий к воротам.

Кашеев кувыркался вниз, пытаясь понять, заметили его

или нет. Однако ни криков, ни топота «берцев» морпехов сверху слышно не было. И Кашеев вдруг понял, что ему удалось уйти и на этот раз. Это было почти невероятно, но он был жив. Назло всем своим врагам...

5

В тентованном кузове флотского «газика» яблоку было негде упасть. Кроме взвода морпехов в нем тряслись несколько сотрудников Управления контрразведки ЧФ, их начальник капитан первого ранга Плотников, Логинов, Мونها, Шварц и Лизка. На дне кузова, наспех замотанные в шуршащую пленку, подрагивали два трупа.

Моня, успевший переодеться в «адидасовский» спортивный костюм, сквозь отверстие в тенте таращился наружу. Наконец он повернул голову к Логинову и быстро сказал:

– Вот тут будет нормалек!

Плотников немедленно приложил к губам рацию и командовал:

– Стоп машина!

«ГАЗ-66» сбросил скорость и остановился у темных развалин какого-то клуба на окраине Симферополя. Плотников в темноте командовал:

– Тент!

Сидящий сзади морпех быстро расстегнул края тента и откинул их. Первым в проем высунулся Шварц. Повертев головой по сторонам, он перекинул ногу через борт. Борт жалобно скрипнул, лесенка крякнула под тяжестью гиганта, но ничего не лопнуло, так что Шварц спрыгнул на землю вполне благополучно.

Его огромная тень метнулась к развалинам, несколько секунд спустя Шварц снова приблизился к машине и глухо сообщил:

– Чисто!

Лизка ухватила Логинова за руку и шмыгнула носом.

– Ой, Витя, я ж тебя так и не познакомила с Каролинкой...

Моня подтолкнул Лизку к выходу.

– Давай в темпе, звезда! Некогда сопли распускать!

Лизка наспех чмокнула Логинова в нос, шагнула вперед и задрала ногу через борт, отчего сидящие по бокам проема морпехи невольно напряглись. Моня быстро ткнул Логинову ладонь.

– Ну все, Витек! Бывай! Если не пришлешь открытку к Новому году, я не обижусь!

– Взаимно, Моня! – кивнул Логинов.

Шварц подхватил выбравшуюся на лестницу Лизку и словно пушинку опустил на дорогу. Инвалид детства Моня просто сиганул через борт, едва коснувшись его одной рукой. В тот же миг Плотников скомандовал в рацию:

– Полный вперед!

«Газик» рывком тронулся с места, тент на кузове опустился.

6

Кортеж из нескольких джипов несся по евпаторийской дороге, рассекая ночь светом слепящих фар. Четверка словно привязанных друг к дружке мощных машин приближалась к Симферополю. Впереди, изредка побрякивая сиреной на обгоняемые авто, шел «Лэндкрузер» охраны. За ним несся красавец «Линкольн». Замыкали кортеж аляповатый, похожий на беременного таракана «Шевроле Сабурбан» и второй «Лэндкрузер».

В «Линкольне» находился двойник Мони. Он несколько нервничал, поскольку не понимал причины столь спешного возвращения в Симферополь. Однако спросить об этом у начальника Мониной охраны двойник так и не решился. Тот выглядел слишком хмурым и всю дорогу угрюмо таращился в окно.

– Едут! – повернулся Шварц от дороги.

– Наконец-то! – недовольно сказал Моня.

Проводить время в развалинах клуба было удовольствием ниже среднего. Пока троица выбиралась из них, кортеж из четырех джипов остановился. Моня со Шварцем и Лизкой подошли к «Линкольну Навигатору». Навстречу им выскочил начальник охраны.

– Вы в порядке? – быстро спросил он.

– Полном, – буркнул Моня, ныряя в пахнущее кожей нутро джипа.

– Добрый вечер... – поздоровался двойник.

– Охренительно добрый! – плюхнулся на сиденье Моня. – Давай в джип охраны и на конспиративную квартиру!

Двойник тут же подался к дверце, но в последний момент решил спросить:

– А что случилось?

– Форс-мажор, – не стал вдаваться в подробности Моня. – Гастроли по Крыму отменяются, но на твоём гонораре это не отразится...

8

«ГАЗ-66» миновал КПП аэродрома. Логинов тут же вытащил телефон и позвонил. Несмотря на то, что в Москве была уже поздняя ночь, замдиректора ФСБ ответил сразу:

– Да!

– Логинов, товарищ генерал! Мы уже на территории аэродрома!

– По дороге никаких происшествий? – быстро спросил замдиректора.

– Никак нет! Без инцидентов! Нападение на усадьбу Кашеев с подельником совершили под прикрытием салюта, так что украинские власти пока не в курсе случившегося...

– Ну слава богу! – облегченно вздохнул замдиректора. – Наконец-то эпопея с Кашеевым закончилась. Поздравляю, полковник!

– Служу России, товарищ генерал! К кому мне обращаться насчет борта?

– Борт для погрузки должны предоставить в течение получаса! Если будут проблемы, обращайтесь непосредственно к командующему ЧФ, он в курсе! Если и это не поможет, доложите мне... Тогда кто-то точно лишится погонов!

– Понял, товарищ генерал!

– Это нормально? – спросил Моня, ткнув пальцем в бассейн.

Пока кучка украинских военных, спешно прибывших в разгромленную Монину усадьбу, тарасилась на утонувший танк, Моня в «адидасовском» спортивном костюме толкал речь.

– Не, я, конечно, понимаю, что в армию щас нормальных фиг заманишь! Но я, пацаны, плачу налоги! И как налогоплательщик я, блин, надеялся, что моя армия меня бережет! В натуре! А чего получается? Я спокойно еду в Евпаторию, чтобы облегчить страдания страждущих и наставить на путь истинный заблудших, а в это время какой-то пьяный или обкуренный вояка на танке врывается в мой мирный дом, мочит моих охранников и разносит вдребезги-напополам все что можно!

Здесь Моня покосился через плечо на своего адвоката Байрак-Бубердыева, наполовину крымского татарина, наполовину украинца. Тот стоял чуть позади одетого в спортивный костюм Мони с папкой в руках. Адвокат был в дорогом костюме и при галстуке, его яйцеобразную голову украшала блестящая лысина, окаймленная с боков и сзади «опушкой» черных волос. Байрак-Бубердыев едва заметно кивнул, и Моня продолжил:

– В общем, я как налогоплательщик и гражданин получил глубокую моральную травму! Мои патриотические, религиозные и гражданские чувства оскорблены! Потому что, согласитесь, пацаны, трудно любить родину, если ее долбаные защитники врываются в твой дом на танках!

«Пацаны», среди которых были военный прокурор Крыма, заместитель начальника Южного оперативного командования и командир Отдельного корпуса нацгвардии, тем временем закончили глазеть на утонувший в Монином бассейне «Термит» и растерянно переглянулись.

Моня расстегнул на груди молнию спортивного костюма и почесался. Байрак-Бубердыев подался к его плечу и что-то негромко сказал на ухо. Моня кивнул.

– Так че, пацаны? – спросил он, продолжая чесать грудь. – Мне созывать пресс-конференцию и готовить жалобу в Страсбургский суд по правам человека?

– Не надо огласки! – быстро сказал командир Отдельного корпуса нацгвардии. – Мы свяжемся с Киевом и, уверен, найдем средства компенсировать нанесенный вам материальный ущерб!

– А моральный? – посмотрел на покореженные фазаньи клетки Моня. – Ваши ж подчиненные мне курей зайками, блин, сделали! Я ж теперь на одном ветеринарном логопедке разорюсь, в натуре!

Транспортный «Ан» с опущенной аппарелью стоял неподалеку от рулежной полосы. Внутри огромного чрева самолета разносились приглушенные голоса, это морпехи побыстрому выгружали из «газика» трупы Кашеева и его подельника. На всякий случай Логинов распорядился загнать машину внутрь самолета, хотя ночной аэродром был пустынным.

Логинов с Плотниковым молча курили у аппарели. По ней протопали «берцы» командира взвода морпехов. Логинов и Плотников оглянулись. Командир взвода доложил:

– Порядок! «Двухсотых» загрузили!

– Молодцы! – кивнул Логинов. – Тогда выгоняйте машину и свободны!

Движок «газика» заработал, Логинов и Плотников отошли в сторонку. Бросив окурки и тщательно затушив их ногами, они протянули друг другу руки.

– Ну все, Плотников, давай! – сказал Виктор. – Успехов! Будешь в Москве, звони!

– Давай, Логинов! Всегда рад тебя видеть! Дадут отпуск, приезжай!

– Спасибо, но я лучше в Турцию! Там как-то поспокойнее...

По одну сторону длинного стола в штабе Отдельного корпуса нацгвардии сидела куча украинских военных. За ними под стенкой торчали адъютанты, референты, консультанты и прочая шушера.

По другую сторону штабного стола, покрытого зеленым сукном, располагались Моня в «адидасовском» спортивном костюме и Байрак-Бубердыев. За ними под стенкой маячил Шварц со сложенными на ширинке руками.

За покрытым зеленым сукном столом разворачивалось целое сражение. Местные, крымские и спешно прилетевшие ночью из Киева генералы и полковники превосходили противника численно, но все козыри были на руках у Мони и его адвоката.

В вытасченном из бассейна «Термите» был обнаружен труп майора нацгвардии. Ни алкоголя, ни наркотиков в его крови не нашли, однако он мог просто сойти с ума. С другой стороны, в чем-либо обвинить Моню не представлялось возможным – в момент нападения тот находился в Евпатории, что могли подтвердить сотни свидетелей.

– Пацаны, – приложил руку к груди Моня. – Любой другой на моем месте, вернувшись домой после миссионерской поездки к своей пастве и обнаружив в бассейне своей разгромленной усадьбы танк, с ходу обзвонил бы все агентства

и засветился бы на всех каналах! Но я поступил, блин, как патриот и гражданин! И теперь вы рассказываете мне, что в бюджете на этот год не предусмотрены средства на выплату компенсации за разгром моей усадьбы!

– Но это действительно так, многоуважаемый! – подал голос начальник Военно-юридической службы. – Это юридический факт, который невозможно ни оспорить, ни обойти! В бюджете действительно не предусмотрены такие расходы. Поэтому должностное лицо, которое осуществит выплату, автоматически подпадет под действие статьи Уголовного кодекса о незаконном расходовании бюджетных средств. Со всеми вытекающими последствиями!

Тут представитель Военно-юридической службы посмотрел в сторону заместителя Главного военного прокурора. Тот закивал:

– Абсолютно верно. В этом случае ГВП будет просто обязана возбудить уголовное дело в отношении такого должностного лица!

Слово «возбудить» заместитель главного военного прокурора, как это принято у прокурорских во всем СНГ, произнес с ударением на втором слоге. Моня начал психовать:

– Пацаны, это, конечно, не мое дело, но ваши ж долбаные защитнички родины каждый год отчебучивают чего-нибудь такое – то, блин, ракетой жажнут по жилому дому, то над Черным морем гражданский самолет собьют...

– Это вне нашей компетенции! Бюджет утверждает зако-

нодательная ветвь! Все претензии к Раде!

– Так а мне че, по миру, блин, идти?! У меня ж одних курей на десять штук зелени по Хаджибеевской слободке разбежалось!

– А вы что, разводите кур? – удивился один из киевских генералов.

– Дело не в домашней птице! – веско сказал Байрак-Бурбердыев. – Хотя ее содержание является законным правом моего клиента! Дело в том, что вы просто толкаете нас на огласку этого прискорбного инцидента! У нас просто не остается другого выхода! Боюсь, мы будем вынуждены обратиться с открытым письмом к гаранту Конституции, а также предъявить иск в общегражданский суд!

– Да! – отодвинул стул Мона. – Я, пацаны, патриот и все такое, но превращаться в бомжа из-за того, что в бюджет не заложили компенсацию за маневры в моей усадьбе, не собираюсь. До встречи в Страсбурге, короче! Шварц, в темпе звони в корпункты «Первого канала», «РТР», «Интера» и «Плюсов»...

Турбины «Ана» монотонно гудели. Огромный самолет неся в ночном небе в Москву. Единственный его пассажир – Логинов – дремал в грузовом отсеке, растянувшись на скамейке и прикрывшись ватником.

На полу, под брезентом, лежали два трупа, вывезенные на флотском «газике» из усадьбы Мони. Логинов повернулся набок и, на миг приоткрыв глаза, мазнул по ним взглядом. Один из трупов чуть сдвинулся к противоположному борту. Однако в этом не было ничего удивительного – из-за вибрации Логинов и сам ездил туда-сюда на скамейке. Поэтому Виктор прикрыл голову бушлатом и снова задремал.

Едва его дыхание стало ровным, дальний труп вдруг сдвинулся к краю брезента. После этого он снова замер. Прошло около минуты, и труп снова скользнул по полу к скамье противоположного борта, предназначенной для размещения десантников. В этот момент Логинов вдруг пошевелился и что-то пробормотал.

Движение под брезентом мгновенно прекратилось. Около пяти минут в чреве «Ана» раздавались только мерное гудение турбин да едва слышное посапывание Логинова. Потом к этим звукам добавился приглушенный шелест. Одновременно под брезентом прошла вроде как медленная волна. Это было очень похоже на то, как будто кто-то изнутри

разрезал целлофановый кокон.

Наконец шелест затих, и с осторожным шуршанием дальний от Логинова труп заскользил под брезентом к краю. А потом из-под него высунулась вроде как окровавленная рука. Вид она имела вполне натуральный, однако в чреве «Ана» вдруг ощутимо повеяло легким клюквенным запахом...

Байрак-Бубердыев в сдвинутых на кончик носа стильных очках, состоящих только из нижних половинок, вдумчиво читал шестой или седьмой вариант «мирового соглашения». Моня, откинувшись на спинку штабного стула, курил сигарету «Жириновский-ультра». Он изо всех сил старался изображать из себя жертву украинской военщины, но в глазах Мони сверкали победные огоньки.

Байрак-Бубердыев дважды прочитал последнюю страницу, после чего снял очки и устало провел пальцами по переносице. Моня выпустил дым и негромко спросил:

– Ну?

– Надо подписывать, пока не передумали! – подавшись к Моне, прошептал адвокат.

Моня нарочито нахмурился и, подавшись к столу, расплющил сигарету в аляповатой штабной пепельнице. После этого он побарабанил пальцами по столу и наконец произнес:

– Ладно, пацаны, хоть мой адвокат и считает, что это грабеж среди бела дня, но я, как Кеннеди, думаю не о том, что может сделать страна для меня, а о том, что я могу сделать для страны...

По генеральско-полковничьему ряду по другую сторону стола пронесся вздох облегчения. Моня картинно задрал руку. Шварц вложил в нее трехсотдолларовую ручку «Паркер»

с золотым пером. Моня потянулся рукой к поданному адвокатом листу, но прежде, чем поставить свою закорючку, веско сказал:

– Только смотрите, пацаны, если хоть один из пунктов договора не будет выполняться, я переступлю через свой патриотизм и доведу все до мировой общественности! Вас, я слышал, и так в Брюсселе не очень-то ждут, а после этого, боюсь, не то что в НАТО, а даже в бывший Варшавский договор не примут!

Многотонный «Ан» приближался в начавшем светлеть небе к Москве. Все системы самолета работали нормально, погодные условия были вполне сносными. Экипаж доложил об этом в контрольной точке и спокойно продолжал полет.

В огромном грузовом отсеке сном праведника спал полковник Управления по борьбе с терроризмом Логинов. Он спокойно посапывал под бушлатом. А в нескольких метрах от него, у противоположного борта, из-под брезента осторожно вынырнул человек в залитой кровью форме украинского национального гвардейца.

Его монголоидное лицо напоминало застывшую маску. И это действительно была маска. Покосившись на Логинова, оживший труп потянулся окровавленными руками к своей шее и с легким шуршанием стащил маску со своей головы.

В следующую секунду Кащеев, а это оказался он, выхватил пистолет и нацелил его на Логинова. Губы предателя исказила кривая ухмылка. Не сводя пистолета с Виктора, Кащеев наклонился и выудил из-под брезента небольшой запасной парашют из комплекта десантников. В отличие от основного, он не гарантировал бестравматического мягкого приземления, но для опытного парашютиста его было вполне достаточно.

Кащеев, продолжая целиться, закинул на плечо левую

лямку, потом быстро перехватил пистолет в левую руку и нацепил на себя парашют полностью. Быстро управившись с застежками, Кашеев снова взял пистолет в правую руку и двинулся к Логинову.

Теперь, когда парашют был на нем, Кашеев мог расстрелять Логинова и на расстоянии, не опасаясь, что из-за случайных пулевых повреждений самолет вдруг начнет падать. Однако Кашеев хотел, чтобы Логинов перед смертью увидел его и помучился. Он не собирался убивать Логинова вообще. Он хотел его ранить и оставить истекать кровью на борту обреченного самолета.

Поэтому, подойдя к Логинову, Кашеев осторожно тронул его за плечо левой рукой и тут же подался назад...

Моня вышел на террасу и блаженно потянулся, прищурившись на солнце. Крепким сном праведника он проспал двенадцать часов. На Моне были спортивные трусы и красное атласное кимоно с иероглифами, на ногах – шлепки «Дольче и Габбана». Подойдя к ограждению террасы, Моня оперся о него широко расставленными руками и окинул свое подворье взглядом грозного римского прокуратора.

Сверху двор напоминал муравейник. Или Храмовую гору, на которой копошились рабы. Раздетые до пояса солдаты с тачками, лопатами, кирками и прочим шанцевым инструментом, как и было оговорено «мировым соглашением» между Моне и командованием украинской нацгвардии, с самого утра приступили к ликвидации последствий нападения Кашеева.

Рожу Мони искривила довольная ухмылка. Государство, конечно, на то и существует, чтобы более ловкие его граждане на законных основаниях могли присваивать себе результаты труда остальных сограждан, но «развести» силовые структуры – это был высший пилотаж.

Моня повернулся и рявкнул:

– Шварц! Шварц!

– Чего? – донеслось из открытой двери террасы.

– Где мой завтрак?

– Уже накрыл!

– Тогда все убирай и тащи стол сюда!

– Чего? – после паузы отозвался Шварц, высунувшись на террасу.

– Чего-чего! Здесь, говорю, накрой! Чтоб я мог контролировать процесс! А то ж за этими вояками, блин, глаз да глаз нужен!

Логинов резко откинул бушлат, собираясь тут же броситься Кащееву в ноги. Однако вместо Кащеева он увидел склонившегося над ним второго пилота. Тот, невольно вздрогнув, сказал:

– Подходим к Москве, сейчас начнем снижение... Вы в порядке?

Логинов метнул быстрый взгляд на брезент, прикрывавший трупы. Брезент был в порядке, и Логинов окончательно понял, что ему все просто приснилось.

– Да, спасибо! – кивнул Виктор.

Второй пилот направился к лестнице, ведущей к кабине. Логинов опустил ноги со скамейки и посмотрел ему вслед. Потом снова перевел взгляд на тускло блестящий в свете ламп брезент.

– Твою мать! – тихо проговорил Виктор, проведя рукой по лицу.

Изнурительная охота на Кащеева не прошла даром. Измочаленный нервным перенапряжением организм нуждался в отдыхе. Логинов посмотрел в сторону кабины. Второй пилот уже поднялся по лесенке и как раз закрыл за собой дверь.

Логинов тут же потянулся к карману и выудил сигареты. Курить на борту, тем более при взлете-посадке запрещено. Но сейчас Логинову было просто необходимо сделать

несколько затяжек...

Снизу Моня походил на режиссера военно-патриотического фильма. Он возвышался над ограждением террасы на высоком удобном кресле. Перед ним на штативе стояла подзорная труба. Торчащий рядом Шварц держал мегафон, от него тянулся провод к правой руке Мони, в которой тот держал микрофон.

Моня обшаривал подзорной трубой подворье и, благодаря многократной оптике, без труда выявлял халтуру в работе военных строителей. Нацелившись на уже разваленное и вновь возводимое от фундамента здание КПП, Моня приложил микрофон ко рту и нажал кнопку. Двор огласил его свирепый голос.

– Эй, конопатый, блин, ты швы раствором чего мне не заполняешь? Конопать, а то я тебя так отконопатю, невеста родная не узнает, в натуре! Или ты цемент жалеешь? Так не жалей, он казенный! А ты, рыжий, ровнее кладку гони, а то перекладывать будешь! Криво можешь на генеральских дачах галюны класть, а у меня, блин, клади по отвесу! А то я тебе его засуну в задницу так, что ни один лепила не достанет!

Личный состав строительного батальона был почти целиком набран из западноукраинских потомственных зодчих, успевших к моменту призыва отточить навыки строителей

на заработках в Москве. На Монины замечания солдатики реагировали нервно:

– От падлюка, гирше, аниж гауляйтер в концтабори! Мэни б на хвильку сюды дидив «шмайсэр» зи схрону, я б його пошинкував на капусту! Разом з отым одороблом-охоронцэм!

– А оту його лярву сракасту спэрва б поставыть раком, а потим засунуть йий в гузно палюгу...

Моня этих разговоров не слышал, а если бы и слышал, то ничего бы не понял, поскольку в украинском языке был не силен. Его настолько захватил процесс обозревания территории через подзорную трубу, что он совсем не обращал внимания на ближайшие подступы.

А там, под самой террасой неведомо откуда возник товарищ в армейской форме, в респираторе и строительных очках, закрывавших практически все лицо. Присев за перевернутой строительной тачкой, товарищ поднял странного вида пистолет. В тот же миг раздался сухой звук выстрела.

Припавший к окуляру Моня среагировать на него не успел. Осколки подзорной трубы брызнули в стороны, Моня с грохотом рухнул с креслом на террасу и заорал, держась за глаз и корчась от боли:

– Стреляй, Шварц, стреляй!!!

«Ан» с глухим хлопком коснулся задними колесами бетонки, чуть подпрыгнул и благополучно выровнялся, ткнувшись в полосу и передним шасси. Логинов десятки раз возвращался на Чкаловский после выполнения заданий, но в этот раз ощущение было особенным.

Охота за Кашеевым растянулась на долгие месяцы. И только оказавшись на московской земле, Виктор вдруг осознал, что все действительно позади. И на него разом навалилась легкая эйфория.

Он не ощущал усталости и словно во сне передал два «двухсотых» специально прибывшим на ведомственной «труповозке» сотрудникам, которые должны были доставить «груз 200» в специальное бюро судмедэкспертизы. Отзвонившись начальству и получив три отгула, Логинов рухнул в своем грязном камуфляже на заднее сиденье «Ауди А6» гаража центрального аппарата ФСБ и всю дорогу до дома смотрел в окно.

Только теперь он понял, как соскучился по Москве. За время его отсутствия в районе Сокола на Ленинградке успели открыть первую очередь многоуровневой развязки. Работы продолжались, по бокам дороги бенгальскими огнями то и дело вспыхивала электросварка.

Вскоре показался и дом Виктора у «Динамо». На другой

стороне проспекта тоже что-то строили. Москва менялась и хорошела, особенно отчетливо это было заметно после длительного отсутствия.

Попрощавшись с водителем у подъезда, Логинов поднялся к себе и с ходу принял душ. Потом прошлепал на кухню и вскрыл банку тушенки из НЗ, специально хранящегося в холодильнике для таких вот возвращений. Хлеб в пакете успел покрыться сине-буро-зеленой плесенью, но в НЗ у Логинова были и галеты.

Соорудив себе парочку вполне сносных бутербродов, Логинов принес из бара бутылку водки и набулькал почти полный граненый стакан. Выпив и закусив, Виктор прошел в комнату, упал на диван и мгновенно уснул крепким сном без сновидений.

Шварца, как и Мою, выстрел застал врасплох. Открыть ответный огонь он не мог, поскольку торчал на террасе без оружия. Впрочем, Шварц не сплеховал. Метнувшись к ограждению террасы, он швырнул вниз мегафон и выбил им оружие из руки киллера. Тот вскрикнул и бросился наутек. Шварц с воплем перемахнул через ограждение.

Приземлился он более-менее удачно, но в розовые кусты. С воплем выдравшись из них, Шварц рванулся за киллером. Тот мчался к углу дома. Оружия у него не было. Шварц тремя гигантскими прыжками настиг свою жертву и взмахнул огромной лапищей.

Пудовый кулак угодил киллеру в голову и отбросил к стенке. Стукнувшись о нее, киллер растянулся на узкой отмостке. В этот момент из-за кустов выскочили двое охранников с пистолетами.

– Вяжите его! – рявкнул окровавленный Шварц. – Моне глаз выбило!

Первый день после возвращения в Москву выдался сумбурным. Проснулся Логинов поздно, побрился и сразу отправился в ближайший универсам за покупками. На обратном пути он заглянул в почтовый ящик, который оказался забит неоплаченными счетами. Там же обнаружили и два последних предупреждения – Ростелеком и компания-оператор кабельного телевидения грозились отключить квартиру Виктора от связи с внешним миром.

Поэтому остаток дня Логинов провел за заполнением и оплатой счетов, а когда освободился, выяснил, что его подчиненные майор Горов и капитан Аникеев находятся в командировке. Таким образом, необходимость в обязательных посиделках по поводу возвращения из командировки в каком-нибудь ресторане отпала сама собой.

Это Логинова сильно не расстроило, он просто завалился после плотного ужина на диван перед телевизором, посмотрел какой-то жутковатый боевик, потом слезливую мелодраму, а потом просто щелкал программы, пока не уснул под бизнес-канал. Там эксперт с козлиной бородкой бодро вещал, что эра доллара закончилась бесповоротно. И валюте дяди Сэма уже не подняться, поскольку цены на нефть в ближайшем обозримом будущем падать не собираются...

В огромном Монином кабинете стояла гробовая тишина – как в доме покойника. Шварц, вся рожа которого была залеплена узкими полосками пластыря, держал под стенкой за шиворот киллера. Тот был уже без респиратора и очков, правая половина его лица чудовищно распухла и имела розовато-синюшный оттенок. Монин адвокат Байрак-Бубердыев в черном костюме с похоронным лицом восседал сбоку за Мониным столом.

Под противоположной стенкой на кожаном диване расположились трое офицеров. Один из них был командиром строительного батальона, второй – начальником инженерной службы гарнизона, третий – представителем военной прокуратуры. Лица всех троих выражали подобающую случаю скорбь.

Байрак-Бубердыев открыл свою папку и с легким шелестом выложил на стол несколько отпечатанных листов. После этого адвокат извлек из кожаного, отделанного изнутри бархатом футляра свои стильные очки без верхних половинок и надел их.

Только покончив с этим, Байрак-Бубердыев нарушил тишину:

– Мною подготовлено официальное заявление по поводу случившегося, однако, в целях экономии времени, я воз-

держусь от его чтения. В то же время считаю своим долгом заявить, что случившееся напоминает тщательно спланированную акцию, направленную на устранение моего клиента...

– Но, позвольте, зачем же... – начал было начальник инженерной службы.

– Не позволю! – перебил его Байрак-Бубердыев. – Потому что за трое суток военнослужащими совершено уже второе покушение на моего клиента!

– Да не говорите вы ерунды, адвокат! Тоже мне спланированное покушение нашли – случайный выстрел дроблем из строительного пистолета! – нервно махнул рукой начальник инженерной службы.

– Да какая разница, что использовано в качестве оружия? Важен факт!

– Да какой факт – элементарное головотяпство и нарушение правил безопасности при проведении строительных работ!

– Стоп, товарищи! Давайте прекратим эту бесполезную перепалку! Прокуратурой по горячим следам проведен опрос причастных к данному инциденту. Невольному его виновнику, – здесь представитель военной прокуратуры кивнул на задержанного Шварцем киллера, – бригадир-командир отделения поручил как можно быстрее починить строительную тачку. При этом он самоустранился от контроля за производством работы. А его подчиненный проявил инициативу,

самовольно решив использовать строительный пистолет. Его хранение также не было налажено должным образом. Так что все случившееся не более чем цепь, согласен, вопиющих нарушений, которые, однако, по самой своей сути не могли иметь умысла на совершение покушения.

Тут наконец подал голос сам Моня. Он угрюмо сидел в своем кресле, прижимая к правому глазу пакет со льдом.

– Так а если бы этот фуцын попал не в стекло, а мне в лобешник? Какая бы мне была разница, был в его действиях умысел или нет? Вы че, гоните, пацаны? Сперва какой-то, блин, майор громит на танке мою усадьбу! Потом какой-то салага лупит по мне прямой наводкой из строительного пистолета! А теперь чего – с самолета двухсоткилограммовую бомбу ждать?

– Давайте все-таки придерживаться фактов, а не фантазировать, – посмотрел на Моню представитель прокуратуры. – А факты таковы, что даже уголовное дело возбуждать нет оснований...

– Это чудовищно! Мой клиент едва не лишился глаза, – сухо проговорил Байрак-Бубердыев.

– Но, слава богу, не лишился же, – развел руками представитель прокуратуры. – Ущерб, нанесенный его здоровью, относится к легким телесным повреждениям...

– А труба карлщейссовская?! – возмущенно рявкнул Моня. – Я за нее, между прочим, три штуки зелени отбашлял! На затмение хотел посмотреть в следующем месяце! Как ин-

валид детства! А теперь что?

– Да посмотрите вы на свое затмение! Трубу мы вам передадим бельгийскую, которую нам в рамках натовской программы презентовали на учениях «Си-Бриз»! Она в два раза лучше вашей карлцейссовской! – заверил Моню начальник инженерной службы.

Звонок служебного телефона тревожной трелью ворвался в сон Логинова и враз его развеял. Виктор резко приподнялся, пульт ДУ с глухим стуком упал на пол, переключив канал, и из телевизора грянуло: «Не волнуйтесь, тетя! Дядя на работе, а не с кем-нибудь в кино!»

– Твою мать! – проговорил Виктор, наклонившись, но пульт отлетел глубоко под диван, а телефон на тумбочке продолжал надрываться. Виктор потянулся за ним и ответил: – Слушаю!

– Расслабляетесь, полковник? – едко проговорил в трубке замдиректора.

– Да нет, просто... – начал было Виктор, но генерал его перебил:

– Машина за вами уже вышла! Будет через пять минут!

– А что случи... – начал было Виктор, но замдиректора отключил связь.

Логинов тупо посмотрел на трубку, потом перевел взгляд на телевизор. При падении пульта тот переключился на Первый канал. Если бы случилось что-то экстраординарное, передачи утреннего блока прервали бы экстренным выпуском, но крутили развеселый старый хит. Не зная что и думать, Логинов откинул одеяло, вскочил и отправился приводить себя в порядок.

Времени на бритье не было, так что пришлось ограничиться умыванием холодной водой и полуминутной чисткой зубов. Когда Виктор застегивал брюки, ему позвонил снизу от подъезда водитель той самой «Ауди А6», что привез его вчерашней ночью из Чкаловского...

Моня лежал на кровати в своей спальне и с унылым лицом смотрел кинокомедию на огромной плазменной панели домашнего кинотеатра. Окна были наглухо закрыты жалюзи – на случай, если какой-нибудь военный строитель по ошибке воткнет чего-нибудь не туда, перепутав фазы, отчего мирная бетономешалка враз превратится в боевую метательную машину.

Настроение у Мони было ни к черту. Давешней радости от нашествия в свою усадьбу дармовой рабочей силы он уже не испытывал, но и выгнать служивых не мог. Объем строительно-восстановительных работ по дефектной ведомости оценивался где-то в миллион гривен. Именно столько Моне пришлось бы выложить, если бы он обратился в строительную фирму. Разбрасываться такими деньгами было глупо, поэтому Моне ничего не оставалось, как терпеливо дожидаться, пока вояки закончат фронт работ, наведут за собой марафет и уберутся восвояси.

Моня отнял от глаза пластиковый пакет и поболтал им. Лед частично растаял, превратившись в цокающую жижу. Моня повернулся к двери и рявкнул:

– Шварц! Шварц!

За дверью протопали слоноподобные шаги, и телохранитель просунул в спальню свою залепленную пластырем рожу.

В правой руке он держал открытую бутылку колы.

– Чего, Монь?

Моня, которому не на ком было сорвать злость, рывкнул:

– Чего-чего! Прохлаждаешься, блин, а у меня весь лед растаял! Вытечет глаз, в натуре, а ты и не почешешься!

– Так, а Лизка чего, нового не принесла? – искренне удивился Шварц.

– Да твоя Лизка небось или брови выщипывает, или трусы антицеллюлитные натягивает! А ты и не пошевелишься: нет чтобы ее подогнуть, в кресле, блин, рассиживаешься! Работнички, вашу мать, адмиралом Нельсоном с вами останешься, в натуре!

– Счас я ее пригоню, Монь! – мотнул головой Шварц и затопал к лифту.

– А дверь закрыть, твою мать! – крикнул ему вдогонку Моня. – Мне ж, блин, только конъюнктивита от сквозняка подхватить не хватало!

Не расслышавший слов Мони Шварц заорал от лифта:

– Да счас, Монь, счас, потерпи!

– Тетерев контуженный! – вздохнул Моня и, приложив хлюпнувший пакет к глазу, уставился в телевизор.

К удивлению Логинова, водитель повез его не на Лубянку, а к зданию специального бюро судмедэкспертизы на Краснобогатырской. В небольшом дворике, напоминавшем прогулочную камеру Лефортовского изолятора, уже стояли «Мерседес» замдиректора и джип его личной охраны.

Пару минут спустя молчаливый охранник провел Логинова в небольшую ординаторскую. В ней за одним столом сидел усталый патологоанатом в забрызганных кровью зеленых одеждах и с висящей на груди марлевой маской, за другим – угрюмый замдиректора, безукоризненно выбритый и в элегантном костюме.

– Здравия желаю! – поздоровался Виктор.

Замдиректора метнул в его сторону взгляд.

– Здравствуйте, полковник...

– Доброе утро! – сказал патологоанатом, вертя в руках ручку.

– Это доктор Артемьев, – представил патологоанатома замдиректора. – Кандидат медицинских наук, доцент, автор монографий и т.д. и т.п. и прочее.

– Очень приятно... – чуть склонил голову Логинов.

Патологоанатом кивнул в ответ, но промолчал. Замдиректора после паузы продолжил:

– Доктор сегодня ночью проводил экспертизу представ-

ленных нами тел. Так вот, он абсолютно уверен, что обезображенный до неузнаваемости труп принадлежит мужчине лет тридцати – тридцати пяти, не имевшему пулевого ранения в область левых ребер и перелома правой плечевой кости.

Логинова словно обухом по голове огрели. Он посмотрел на патологоанатома, который продолжал вертеть в руках ручку, и глухо спросил:

– Ошибка исключена?

– Абсолютно, – поднял взгляд на Виктора доктор. – Я лично уверен, что ему тридцать два – тридцать три года. Но официальное заключение делается на основании утвержденных методик. Что же касается следов переломов и повреждений костей, о которых идет речь в предоставленной мне анонимной истории болезни, то тут вы можете убедиться сами. Костные ткани в указанных местах абсолютно целы.

Логинов перевел взгляд на замдиректора и быстро произнес:

– Тогда мне нужно срочно позвонить, товарищ генерал, в... – Тут Логинов осекся, вспомнив о присутствии постороннего.

Замдиректора резко поднялся.

– Позвоните из машины, полковник! Спасибо, доктор!

Патологоанатом быстро встал из-за стола, замдиректора по дороге коротко пожал ему руку, и они с Логиновым быстро вышли из ординаторской.

Не успел Моня толком включиться в события идущей по телевизору комедии, как в коридоре послышался дробный перестук каблучков, сопровождаемый слоноподобными шагами Шварца. Моня резко приподнялся на локте, повернувшись к двери.

Лизка в коротком домашнем платице вроде бы от Коко Шанель заскочила в спальню с покрытым изморозью пакетом в салфетке. Шварц мудро решил остаться в коридоре, чтобы лишний раз не нарываться.

– Ой, Монечка! Что ж ты не позвонил? – запричитала на ходу Лизка. – А я ж специально не вынимала, чтоб похолоднее! А сама тебе стейки мариную – как ты любишь! Болит, зайчик, да? Болит?

Моня даже не нашелся, к чему придраться. Дверь Лизка за собой закрыла, выщипывать брови на кухне она не могла, а насчет антицеллюлитных трусов – так от них бы остались красные полосы на ногах.

– Ясный перец, болит! – вздохнул Моня. – Тебе бы подозрной трубой засандалить в...

Куда бы засандалить Лизке подозрной трубой, Моня сказать не успел, потому что Лизка с ходу плюхнулась на кровать и приподняла его за голову, так что Моня едва не уткнулся носом в разрез ее платица. В разрезе колыхну-

лись Лизкины груди. От них пахнуло дурманящим ароматом, только не какой-то там «Шанели № 5», а сирени. Вроде бы самой настоящей.

Моня как-то сразу поплыл. Лизка ловко подоткнула подушку, бережно опустила на нее Монину голову и осторожно приложила к его правому глазу свежий лед в салфетке. Монина рука разжалась, пакет с растаявшим льдом плюхнулся на пол. При этом здоровый Монин глаз с прищуром и неотрывно смотрел на Лизкины груди в разрезе платяца...

Телохранитель быстро захлопнул дверцу за замдиректора и быстро нырнул на переднее сиденье «Мерседеса». Джип охраны рванулся к воротам, за ним тронулся «мерс». Логинов уже звонил Моне.

Но в трубке раз за разом слышались короткие гудки, вслед за которыми бездушный голос произносил: «Абонэнт, якому вы тэлэфонуетэ, знаходыться поза зоною досяжнасти. Спробуйте затэлэфоновуваты пизнишэ».

– Черт! – наконец произнес Логинов после третьей попытки связаться с Моней и перезвонил Плотникову на защищенный от прослушки штатный мобильный.

– Привет, Логинов! – послышался в трубке бодрый голос заместителя начальника контрразведки ЧФ. – Как дела?

– Хреново! – выдохнул Виктор. – Кашеев ушел!

– Шутишь, что ли? Или переотмечал? – удивился Плотников.

– Да какие, на хрен, шутки?! В бассейн прыгнул не он, я только из морга! И Моня не отвечает!

– Твою мать... – растерянно проговорил Плотников.

– Это точно! Короче, срочно выясни, что там с Моней! Сам он зашхерился или его кто-то отправил навечно «за зону»! Только осторожно!

– Понял! – коротко ответил Плотников и отключил связь.

Логинов отнял от уха телефон и со вздохом посмотрел на замдиректора.

– Ну? – спросил тот. – Я жду ваших объяснений, полковник.

Логинов вздохнул снова.

– Да объяснение тут может быть только одно, товарищ генерал. Кашеев снова нас перехитрил...

– Перехитрил он не нас, а вас, – ледяным тоном уточнил генерал. – Вы не выполнили задание, полковник. Мало того, по вашей милости я ввел в заблуждение руководство. Руководство страны, полковник, поскольку о ликвидации Кашеева уже доложено на самый верх. По всем правилам, я обязан немедленно отстранить вас от должности и назначить служебное расследование...

– Виноват, товарищ генерал, – потупил голову Логинов.

– Да толку от вашего «виноват»?! Как и от служебного расследования... – словно бы отмахнулся рукой замдиректора. – Предатель разгуливает на свободе! И не просто предатель, а носитель целой кучи военных и государственных тайн! Вот что существенно! В общем, так, полковник, вы бывший «альфовец» и не мне объяснять вам, что такое честь российского офицера! Поэтому я под свою личную ответственность отсрочиваю служебное расследование и даю вам последний шанс! Немедленно возвращайтесь в Крым и наконец доведите это дело до конца! Или пришлите мне рапорт об отставке, если поймете, что вы не в состоянии сде-

лать этого! Я ясно изложил?

– Так точно, товарищ генерал! Спасибо. Я...

– Да не надо мне ваших благодарностей! Скальп предателя! Вот все, что требуется от вас! Не больше, но и не меньше! Остановите машину! – приказал замдиректора.

Логинов быстро оглянулся на тормозящую сзади «Ауди А6» и сказал:

– Только перед вылетом, товарищ генерал, я бы хотел получить кое-что из спецснаряжения!

– Не возражаю! Соответствующее указание я сейчас отдам!

Лизка свободной рукой по-матерински погладила Моню по выбритой лысой голове и сказала:

– Уже легче, зайчик, да?

– Намного... – промурлыкал Моня и сунул правую руку под задравшийся подол Лизкиного платьяца.

Та тихонько взвизгнула.

– Ты чего? – моргнул, глядя на нее, Моня.

– Рука холодная просто, зайчик!

– А-а, – плотоядно ухмыльнулся Моня и сунул под подол Лизки другую руку.

Та быстро оглянулась на дверь.

– Зайчик, Шварц же...

– Да и хрен с ним! – выдохнул Моня, хватая правой рукой свежий пакет со льдом и швыряя его на кровать. – Он же шо тетерев! Все равно ни фига не услышит...

– Ой, зайчик!.. – вздрогнула Лизка и закатила глаза.

Моня резко подвинулся, заваливая Лизку на подушку. В этот момент из коридора донесся возглас:

– Что?.. Кто?.. И чего ему надо?.. Счас доложу!

Ноги Шварца затопали к двери.

– Вот, блин! – выдохнул Моня.

Лизка быстро выдернула его руку из-под своего подола и, схватив пакет со льдом, ткнула его в Монин глаз. В дверь

просунулась залепленная пластырем рожа Шварца. В руке он держал телефон.

– Слышь, Мось, пацаны с КПП звонят, там какой-то хрен из энергонадзора приехал!

– И какого хрена ему надо?

– На ввод посмотреть, насчет учета. Пломбы проверить и сверить показания.

– Ну, пусть проводят, блин! – кивнул Мось.

– Ага! – мотнул головой Шварц и, подавшись назад, прикрыл за собой дверь. – Ладно, проводите, блин! – донесся из коридора голос Шварца и его шаги отдалились.

Мось тут же смахнул пакет со льдом на кровать и сунул обе руки под Лизкин подол...

– Ик! Ты меня ув-важаешь, Гриш? – спросил прапорщик Ананий с замечательной фамилией Непейпиво, который, кстати, мог запросто вылакать не только бочонок пива, а еще и ведро водки.

– Уважаю, Толь! Конечно уважаю! – заверил прапорщика Кашеев.

Насчет того, что зовут собутыльника не Анатолием, как тот представлялся, а Ананием, Кашеев узнал, случайно обшарив сегодня карманы его камуфляжной куртки.

– Во! – поднял палец с грязным ногтем прапорщик. – За это я тебя, Гриш, и люблю!

Тут Непейпиво слегка приподнялся и вроде как заключил в символические объятия Кашеева. Тот символически ответил и тут же наполнил граненые рюмки, чтобы скрепить узы дружбы еще и тостом.

«Разработка» прапорщика никаких проблем не представляла. Для опера с таким стажем, как у Кашеева, это было просто увеселительная прогулка. Он быстро скачал всю необходимую информацию и уже на следующий день решил осуществить проникновение в Монину усадьбу...

На этот раз Логинову достался «попутный» борт. Транспортный «Ил» перевозил в Крым контейнеры с какими-то запчастями для ЧФ. Сопровождали груз офицер-инженер и мичман. С собой у них оказалась канистра со спиртом для «протирки» контактов. Мореманы от чистого сердца предложили Виктору поучаствовать в его дегустации, но тот отказался и, чтобы не смущать служивых, перешел со своим багажом в другой конец отсека. Места тот занимал немного, но стоил дорого.

В ручной поклаже Логинова находилось несколько шпионских штучек, которым мог бы позавидовать сам Джеймс Бонд. Все это были разработки секретных ведомственных лабораторий. Однако все эти «ноу-хау» могли помочь только на самом последнем этапе – при задержании либо ликвидации Кащеева.

Но, чтобы задержать предателя, его предстояло сперва вычислить и обнаружить. А это, учитывая колоссальный опыт противника, было проблемой из проблем. Тем более что время было упущено. И Кащеев наверняка позаботился о том, чтобы выйти на него стало невозможно...

– Ну, за нас, Гриш! – кивнул Непейпиво и тремя глотками, запрокинув голову, выпил водку.

Кашеев выпил свою. Он тоже мог выпить ведро, оставаясь при этом практически трезвым. Бухнув рюмку на стол, прапорщик шумно закусил и отодвинул стул.

– Отлучусь в галюн, Гриш!

– Давай, Толь! – кивнул Кашеев.

Заметно пошатываясь, Непейпиво двинулся к выходу из кухни. В проем он попал с первого раза, но в коридоре, прежде чем добраться до двери санузла, ударился в обе стенки.

Как только дверь за Непейпиво закрылась, Кашеев быстро встал и обогнул стол. Камуфляжная куртка прапорщика осталась висеть на стуле. Кашеев выудил из ее внутреннего кармана объемистое портмоне и извлек из него военный билет прапорщика.

Сунув его себе в карман, Кашеев положил портмоне на место и вернулся к своему стулу. Присев, он закурил и, задумавшись, побарабанил пальцами по столу. Завтра он собирался сделать то, что не смог в день нападения на Монино усадьбу...

Тогда, выскочив из ворот Мониной усадьбы и прыгнув на склон, Кашеев несколько раз перекувыркнулся. За это вре-

мя «газик» ЧФ приблизился к воротам и, чуть притормозив, проскочил в проделанный танком пролом.

Кашеев понял, что его не заметили, и тут же прекратил кувыркаться. Остановившись, он немного выждал, после чего чуть сместился и отыскивал очень удобную ложбинку. В ней он быстро проверил «АКСУ». Автомат оказался в порядке. И Кашеев стал ждать.

Ожидание не затянулось. Вскоре во дворе послышался звук быстро возвращающегося «газика». Перед воротами он снова чуть притормозил, выскочил в пролом и помчался по дороге прочь.

Кашеев тут же вынырнул из ложбинки и быстро взобрался к дороге. Выглянув, он рванулся к воротам. В усадьбе должны были остаться только Моня, Шварц и Лизка. И они пребывали в абсолютной уверенности, что Кашеева только что увезли на «газике». В виде обглоданного пираньями трупа...

Более удачного расклада трудно было даже представить. Подскочив к воротам, Кашеев осторожно заглянул во двор и рванулся к дому. Он бежал, готовый в любой момент открыть огонь. Все было на его стороне – и фактор внезапности, и превосходство в огневой мощи...

Однако ни одно ни другое Кашееву просто не понадобилось. Пару минут спустя он вдруг понял, что эта чертова тройца оставила его с носом. Ни самого Мони, ни Лизки со Шварцем в усадьбе не оказалось. И Кашееву ничего не осталось, как, проклиная все на свете, спешно покинуть разгром-

ленную усадьбу.

Спустившись к окраине Хаджибеевской слободки, Кашеев спрятал автомат в наспех сооруженном тайнике. После этого он привел в порядок свой камуфляж и отправился на съемную квартиру. За нее было уплачено на неделю вперед, но Кашеев не собирался испытывать судьбу.

В квартиру он вернулся только затем, чтобы переодеться и замести следы. В смысле стереть отпечатки и забрать все вещи. Вещей было немного. Квартиру они сняли специально для подготовки к налету на Монино усадьбу. Вернее снял ее Якут, поскольку они сразу договорились, что финансирует операцию именно он. У самого Кашеева денег было в обрез. В этом смысле ему повезло – поскольку подельников убили, то некоторая сумма, оставшаяся в квартире в их вещах, досталась Кашееву.

Покинув квартиру, Кашеев бросил ключи от нее в почтовый ящик и позвонил хозяину. Ему Кашеев от имени Якута передал, что им пришлось срочно съехать. Сразу после этого Кашеев озаботился поиском незасвеченного убежища. Поскольку до курортного сезона было еще далеко, то квартиру он, несмотря на позднее время, снял элементарно. Просто приехал со своей поклажей на вокзал и подошел к дежурившим там круглосуточно маклерам...

– Ой, зайчик! – прошелестела Лизка в ухо Мони. – Да! Да!

Я хочу твоего птенчика!

Лизкины руки метнулись к Мониным шортам и принялись лихорадочно расстегивать их. В этот момент из коридора донесся трубный голос Шварца:

– Что?.. Ну?.. Ладно, счас доложу!

Шаги Шварца затопали к двери.

– Вот, блин! – выдохнул Моня.

Он лежал на спине, Лизка сидела на нем в одной туфле, трусики у нее были полуспущены, подол задран. Вскочив, она натянула трусики, присела на кровать и ткнула в глаз Мони пакет со льдом.

– В другой, блин! – прошипел Моня.

Лизка ткнула пакет в другой глаз и успела сунуть ногу в спавшую туфлю, когда в дверь просунулась залепленная пластырем рожа Шварца. В руке он держал телефон.

– Слышь, Монь! Этот хрен из энергонадзора говорит, что мы лимит перебрали в десять раз! И в триста восемьдесят включились без разрешения! Ну в смысле не мы, а вояки!

– Ну?

– Да что ну? Решать, говорит, надо, чтоб без штрафов и отключения!

– Ну так решай! Не видишь, я весь убитый в хлам!

– Так, а бабки?

– Да отдам я тебе бабки! Ну, там еще конины ему сунь, бутылку! Или ящик!

– Понял, Монь! – махнул головой Шварц и подался назад, прикрыв за собой дверь. – Ладно, посадите его в лифт, я встречу! – донесся из коридора голос Шварца, и его шаги отдалились.

Моня снова смахнул пакет со льдом на кровать, Лизка сбросила туфлю и полезла на него...

Из санузла донесся звук смываемой воды. Для начала прапорщик Непейпиво стукнулся о ванну и только после этого кое-как вывалился в коридор. Кашеев изобразил на лице пьяную ухмылку. Прапорщик, ударяясь по дороге обо все, что попадалось, вернулся на кухню. При входе он остановился, вцепившись рукой в косяк.

– Ик! Гриш, найди мой одеколон!

Кашеев потянулся к бутылке и показал ее Непейпиво.

– Зачем одеколон, Толь? У нас же еще водка есть! Если не хватит, я еще мотнусь на угол!

– Та не, Гриш! Ты не понял... – Пьяно засмеявшись, прапорщик оттолкнулся от косяка, сделал пару шагов и обнял сидящего Кашеева, навалившись на него всем телом. – Ну ты даешь, братка! Я ж имел в виду не пить, я хочу насчет женского полу наведаться на седьмой этаж!

– А-а! – тоже хохотнул Кашеев.

Прапорщик Непейпиво обитал в девятиэтажке гостиничного типа. Оказался он здесь после того, как развелся с женой и разменял квартиру. Народ в таких домах жил развеселый. Как бывший опер Кашеев знал, что большинство бытовых преступлений совершается как раз в таких гадюшниках.

– А чего там на седьмом, Толь?

– Танька там живет, Гриш! Вот такая баба! Загляну, хай

подругу и для тебя организует!

– Давай в другой раз, Толь! Мне ж завтра надо в гараже подсуетиться, так что сегодня без меня. Ладно?

– Колхоз дело добровольное, Гриш! – снова поднял грязный указательный палец Непейпиво. – Но я б на твоём месте не отказывался! Один раз живем!

– Да успею я, Толь! Завтра перевезусь, и выступим... Ты ж поможешь, Толь? Не забудешь?

– Прапорщик Непейпиво ничего не забывает! Завтра в одиннадцать созваниваемся, правильно?

– В десять, Толь!

– А, ну да, в десять!

– Ну, тогда давай еще по чуть-чуть, и я тебя провожу на седьмой!

– Давай, Гриш! Только найдешь мне одеколон! Прапорщик Непейпиво никогда не ходит по бабам, не наодеколонившись!

– Ой! – досадливо всхлипнула Лизка, поскольку молнию на Мониных шортах как назло заело.

В пылу Лизка порывисто наклонилась, чтобы вцепиться в проклятую застежку зубами. Моня сдавил ладонями ее задравшуюся попку. В этот момент к двери затопали ноги Шварца.

– Мать его! – выдохнул Моня.

Лизка вскочила, снова присела на кровать и ткнула в Монин нос пакет со льдом.

– Трусы, блин! – прошипел Моня.

Лизка схватила свои трусики и лихорадочно задергала рукой, не зная, куда их сунуть. Моня выхватил их и швырнул за кровать. В тот самый момент, когда Лизка сунула ногу в туфлю, а Моня передвинул пакет на правый глаз, в дверь просунулся Шварц.

– Я извиняюсь, Монь, но тут этот... – Быстро оглянувшись, Шварц нырнул в спальню, притворил за собой дверь и продолжил приглушенным голосом: – ...хрен из энергонадзора говорит, что из-за нашего строительного оборудования на Хаджибеевской слободке в сети такие перепады, что у людей холодильники на хрен погорели и все такое!

– Ты ему деньги предлагал?! – рявкнул Моня.

– Ага! – кивнул Шварц.

– Ну?

– Ну а он говорит, что все равно народ слободской будет жаловаться и его начальство завтра опять пригонит! Типа не хочет брать, чтоб крайним не оказаться, мол, взял и ни фига не сделал!

– Твою мать! – приподнялся с подушки Моня, оттолкнув Лизкину руку с пакетом. – И что он предлагает?

– Да говорит, есть вариант, но его он может перетереть только с тобой! Как с хозяином... Ну, типа чтоб не было потом непоняток!

– Блин! Что за жизнь? – резко сел Моня, оперевшись спиной о подушку. – И умереть спокойно не дадут! Ладно, пусть войдет!

– Ага, Монь! – кивнул Шварц, подавшись задним ходом к двери.

Лизка быстро вскочила, но Моня придержал ее за руку.

– Далеко не забегай! На пуфик вон присядь! И пакет дай, а то с таким глазом только вопросы решать, блин!

– Седьмой, Толь! Направо или налево?

– Налево, то есть направо!

Кашеев направил обильно обрызгавшегося дешевым одеколоном прапорщика в дверной проем без двери. В длинном коридоре одиноко горела тусклая лампочка. Прапорщик поднял палец с грязным ногтем и указал на обитую дерматином дверь.

– Вот здесь Танька живет! Вот такая баба, Гриш!

– Понял, Толь! Тогда отваливаю, чтоб не мешать! – остановился Кашеев.

– Скажешь, Гриш, мешать! Ты ж мой друг! Может, все-таки зайдешь, а? – развернулся к Кашееву Непейпиво.

– Завтра, Толь! Завтра обязательно! Ну, давай!

– Давай, Гриш! Созвонимся в девять!

– В десять, Толь!

– А, ну да, в десять!

– Ну тогда все!

Непейпиво пожал Кашееву руку, потом еще и обнял. Напоследок прапорщик хлопнул Кашеева по плечу, и они наконец расстались. Непейпиво сделал несколько нетвердых шагов по направлению к обитой дерматином двери и, тщательно прицелившись, ткнул пальцем в кнопку звонка.

Кашеев за это время вынырнул из длинного коридора на

лестничную площадку. Лифт, как это обычно бывает в подобных домах, давно не работал, и Кашеев начал спускаться пешком. Поскольку света на лестнице не было вообще, спуск был сопряжен с некоторыми трудностями.

В районе третьего этажа Кашеев, недоглядев, зацепился ногой за какого-то алкаша, уснувшего прямо на ступеньках. Наконец впереди показалась покосившаяся дверь подъезда. Вынырнув на улицу, Кашеев жадно вдохнул свежего воздуха. После настоящей на перегаре, сгнившем мусоре и клопах атмосфере подъезда это было настоящим счастьем.

Время было позднее, но из нескольких окон девятиэтажки неслась музыка самых разных стилей и направлений, а в темном дворе за столиком какая-то шумная компания распивала спиртное. Кашеев посмотрел на часы и решил поймать такси, поскольку маршрутки и общественный транспорт в Симферополе по вечерам ходили нерегулярно.

Из соображений конспирации ловить такси Кашеев решил, пройдя через дворы на параллельную улицу. Пару минут спустя он свернул за разнокалиберные гаражи инвалидов, натканные вдоль железобетонного забора детского сада.

Из-за крайнего гаража неожиданно возник силуэт и шагнул наперерез Кашееву. Тот слегка притормозил. Уличного освещения здесь не было, но в рассеянном свете окон домов Кашеев рассмотрел крепкого паренька лет восемнадцати, в джинсовой куртке.

Парень сделал пару шагов и сказал:

– Закурить не будет?

– Будет, – кивнул Кашеев, остановившись.

Пачку он достал нарочито медленно. За это время Кашеев вроде бы невзначай оглянулся и успел окинуть паренька цепким взглядом. Тот тоже огляделся и видно решил, что дело в шляпе.

Когда Кашеев протянул сигарету, гопник жестом факира извлек из рукава куртки обрезок арматуры. Глядя на Кашеева наглым взглядом, он хрипло сказал:

– Кошелек, мобилу! Быриком! А то башку раскрою!

Шварц распахнул дверь спальни и сказал:

– Просю!

Из проема спросили:

– М-м-можно?..

Моня, успевший выключить плазменную панель, возлежал на своей кровати. Правой рукой он прижимал к лицу пакет со льдом, левый глаз вперил в шикарный потолок своей спальни, разрисованный звездами.

Моня чуть приподнялся и, слегка отодвинув пакет, вперил взгляд своего здорового левого глаза в гостя. Тот боязливо просунулся в дверь, но войти без разрешения не решался. Одноглазый Моня в один миг «прорентгенил» инспектора.

На вид лет сорок – сорок пять, лицо маловыразительное, одет плохо, галстук словно из древнего клипа про бухгалтера с зарплатой шестьдесят рэ. Короче, совок совком, но вполне вписавшийся в квазирыночные отношения.

– Да! – кивнул Моня. – Проходите, пожалуйста!

Инспектор шагнул через порог и так поразился шикарности Мониной спальни, что, невольно затормозив, поскреб ногами о пол – вроде как вытер ноги. Следом в проеме возник могучий силуэт Шварца. Телохранилитель вопросительно уставился на Моню. Моня сделал едва заметный знак. Шварц тут же испарился, неслышно прикрыв за собой дверь.

– Я очень извиняюсь, – слегка приподнялся на подушке Моня, – что веду дела в спальне. Попал в небольшую аварию, как раз принимаю процедуры с медсестрой...

Здесь Моня сделал паузу, инспектор быстро глянул на Лизку, целомудренно сидящую на пуфике в позе мадонны. В руках вместо младенца она держала подобранный с пола пакет с растаявшим льдом. Но даже в этом целомудренном образе Лизка производила сногшибательное впечатление, такое, что отвернулся от нее инспектор еще быстрее, чем повернулся.

– Так что у нас за проблема? – спросил Моня. – И как ее нам разрулить побыстрее? Только говорите напрямую и покороче, а то мне перенапрягаться нельзя, врачи запретили...

Инспектор кивнул, взял двумя руками свою папку и начал ее открывать. При этом он вроде как невзначай сделал несколько быстрых шажков и приблизился к Лизке.

– Да п-п-проблема т-такая, что б-б-боюсь, ра-ра-разрулить ее бы-бы-быстро не-не-не п-по-получится... – проговорил инспектор и неожиданно метнул руку к Лизке.

Та с визгом подскочила на пуфике, выронив пакет, а инспектор вдруг совсем другим голосом сказал, сунув руку в папку:

– Замочить тебя хочет один человек, Монь!

Чтобы Кашеев прочувствовал момент, наглый гопник приподнял кусок арматуры в правой руке и перехватил его поудобнее. Кашеев левой рукой сунул пачку в карман, правую с протянутой сигаретой так и держал.

– Отвали! – сказал Кашеев и щелчком указательного пальца отправил сигарету в наглую рожу гопника.

Тот подобного не ожидал. Сигарета шлепнула его прямо по носу. И гопник мгновенно слетел с тормозов.

– Ах ты ж, падла! – вскрикнул он и тут же взмахнул арматуриной.

Кашеев сделал шаг навстречу и подставил под запястье ударной руки противника ребро ладони своей правой руки. Одновременно локтем левой руки Кашеев сделал короткое движение вверх, подбив локоть гопника.

Этот элементарный прием был на удивление эффективен. При помощи него даже средней комплекции женщина вполне могла выкрутить руку стокилограммовому амбалу. Кашееву только и оставалось, что захватить правой рукой запястье нападавшего и резко рвануть его вниз.

Просто согласно анатомическому строению рука гопника согнулась, и Кашеев, словно рычагом, вывернул ее левой рукой за спину невольно наклонившегося парня. В нижней точке наклона лицо нападавшего встретилось с правым коле-

ном Кашеева. В удар Кашеев вложился, и нос гопника громко хрустнул.

Выпавшая арматура глухо стукнула о землю. Будь Кашеев при исполнении, он бы на этом остановился. Однако в положении беглого предателя были свои преимущества. Над Кашеевым не довлело ни начальство, ни прокуратура с ее кишкомотством.

– Не можешь грабить, найди работу! – прошипел Кашеев в ухо контуженного противника. – Понял?

Чтобы гопник уяснил совет как следует, Кашеев резко приподнял левое плечо, одним движением вывернув гопнику два сустава и сломав руку.

– А! – вскрикнул тот от жуткой боли и тут же потерял сознание.

Кашеев выдернул предплечье из того, что только что было правой рукой гопника и отступил. Тело плюхнулось на землю. Кашеев спокойно двинулся дальше.

Он вдруг совсем не к месту испытал давно забытое чувство от хорошо выполненной милицейской работы. Наглому гопнику предстояло несколько операций на руке и сломанной переносице. Но даже после этого вернуться к своему промыслу ему будет довольно проблематично, поскольку восстановить функции искаленной руки нереально. И Кашеев вдруг подумал, что если бы прокурорские не путались под ногами у милиции, ставя палки в колеса, то с уличной преступностью в СНГ было бы давным-давно покончено...

Подпрыгнувшая от щипка инспектора Лизка опомниться не успела, как тот выхватил из своей папки и сунул ей под нос коробку с духами фабрики «Красная заря».

– Держи, медсестра! Заказывала!

– Ой, Витя! – пуще прежнего взвизгнула Лизка, хватая коробку. – Спасибо! Так это ты, котик?

– А кто ж еще? – хмыкнул Логинов.

Тут Лизка порывисто обняла Виктора с явным намерением облобызать, однако тот быстро отстранился:

– Стоп, Лиз! Маску мне попортишь! А она мне еще ой как пригодится, чтоб выловить Кашеева!

Очумевший Моня, отняв от глаза свой пакет, быстро сел, опустив ноги с дивана. Одновременно, едва не сорвав с петель дверь, в спальню заскочил обеспокоенный визгами Лизки Шварц да так и застыл, узнав по голосу Логинова.

– Твою мать, Витек! – растерянно проговорил Моня. – Какой, блин, Кашеев? Им же мои рыбки поужинали!

– Ошибка вышла, Моня, – покачал головой Логинов, окончательно отстраняя от себя Лизку. – Поужинали они не Кашеевым, а кем-то другим...

На миг в спальне повисла гробовая тишина. Логинов, вжикнув молнией, застегнул папку и продолжил:

– Экспертиза установила, что труп принадлежит мужчине

около тридцати трех лет. Плюс на его костях не обнаружилось следов переломов, которые были у Кащеева. Вот такие пироги, Монь...

Вернувшись к своей съемной квартире, Кашеев первым делом проверил «маячок». На жаргоне спецслужб это называлось еще «контролкой». Речь шла о волоске либо тонкой нитке, крепящейся к двери при помощи скотча либо жевательной резинки. «Маячок» оказался целым. Это означало, что несанкционированного проникновения в квартиру не было. И Кашеев спокойно открыл замок.

Раздевшись и переобувшись, он прошел на кухню, поставил чайник и открыл позаимствованный у прапорщика военный билет. Степень защиты его была таковой, что переклеить фото не представляло ни малейшего труда. Как и исправить фамилию, имя и отчество.

Попив чая, Кашеев занялся подделкой документа. Час спустя он имел на руках вполне надежное удостоверение личности. Подделку могли обнаружить, но это было крайне маловероятно. Общегражданские документы милиция проверяет придирчиво и тщательно. При виде же военных документов, тем более если их предъявитель в форме, никаких подозрений обычно не возникает. Общеизвестная иллюстрация этого психологического феномена – эпизод из всем известного «Места встречи», когда Володя Шарапов не только отпускает Фокса, но еще и просит его «покараулить».

Покончив с документами, Кашеев погладил свою военную

форму. Она была новой, поэтому для придания ей изношенного вида Кашеев замочил ее в хлорке, а потом постирал. Теперь форма выглядела так, как будто ее носили по крайней мере полгода.

После этого Кашеев проверил папку. Это была неприметная кожаная папка для документов. Ничего особенного в ней не было, кроме того, что в нее легко и удобно мог поместиться пистолет. Это было существенно, поскольку теперь по документам Кашеев служил на военном складе. А «тыловикам» оружие не положено.

Когда приготовления были завершены, Кашеев хлебнул остывшего чая и завалился спать. Завтра у него был хлопотный день. Но месть Моне стоила того, чтобы немного похлопотать...

Моня посмотрел на пакет со льдом в своей руке и вдруг со злостью зашвырнул его в угол.

– Твою мать! – вскрикнул он.

– Это еще мягко сказано! – кивнул Логинов. – В общем, Монь, наша песня хороша, начинай сначала. Надо срочно скоординировать наши действия. А то может быть поздно...

– Валите оба! – велел Моня Лизке со Шварцем. – И срочно позвони начальнику охраны, пусть удвоит посты!

Шварц кивнул, вытащил телефон и подался в коридор. Лизка быстро вышла следом за ним. Логинов тем временем присел на ее пуфик и сказал:

– Ты прямо как одноглазый альбинос, Монь!

Выглядел Моня и впрямь колоритно – его правый распухший глаз окаймлял иссиня-черный синяк, при этом белок глаза был полностью красного цвета, как у белоснежного кролика.

– Чем это тебя? – поинтересовался Виктор.

– Подзорной трубой, блин!

– Окуляром?

– Окуляром, блин! В задницу бы его засунуть этому долбаному солдафону! Да хрен с ним, с глазом! – махнул рукой Моня. – Ты мне лучше объясни, Витя, как такое может быть с Кашеевым?

– Да что тут объяснять, – пожал плечами Логинов и выудил из кармана сигареты. – Он был где-то поблизости. Если бы его подельника не обгрызли твои пираньи, он бы не ушел... Курить можно?

– И мне дай, – сказал Моня.

Логинов быстро прикурил и бросил Моне пачку с зажигалкой. Тот их ловко поймал и тоже задымил сигаретой.

– Блин, Витек! Эта бодяга когда-нибудь закончится или нет? Этот ваш Кашей, в натуре, какой-то бессмертный! Он случайно не андроид какой-нибудь, вроде Терминатора этого долбаного? Говори как есть, я имею право знать!

Логинов посмотрел на Моню немного удивленно, потом кивнул:

– Я сам был в шоке, когда меня начальство выдернуло во морг... Нет, Моня, он не андроид и не Терминатор. Он самый обычный... Только очень опытный и расчетливый. Ну и плюс везет ему очень. Это да. А так – никаких секретных технологий. В общем, Моня, мы должны с тобой его как-то достать...

– Ага, блин! Достать... А ты уверен, что он вообще не смылся из Крыма?

– Это единственное, насчет чего я уверен, Моня, – кивнул Виктор.

– С чего, блин? – посмотрел на Логинова Моня.

– С того, что у него нет денег. Я имею в виду больших. Из-за этого он, Монь, и решил добраться до твоего липового

миллиона. А без денег куда он смоеется? Пластику делать надо? Надо. Документы надежные... А это все очень большие деньги, не говоря о том, что для того, чтобы где-то обустроиться, тоже нужны деньги...

– Да это понятно! Но может, он их уже достал!

– Не достал, Моня, – покачал головой Логинов. – Я проверил все сводки по Крыму, Украине и сопредельным странам. Плюс Плотников напряг свою агентуру...

– Ну?

– Никаких серьезных преступлений за эти дни совершенно не было. И никаких оперативных данных о том, что кто-то у кого-то «снял» бабки за партию наркотиков или о чем-то в этом роде, тоже нет. Ну а главное, Моня, это то, что ты еще жив...

– Спасибо!

– Извини, конечно, но если бы Кашеев решил куда-то рвануть, он бы напоследок с тобой расквитался. Тем более что у тебя сейчас тут проходной двор! Если бы на моем месте был Кашеев, ты бы сейчас уже валялся в луже собственной крови. Вместе с Лизкой и Шварцем...

Кашеев завел будильник, но проснулся сам, за пять минут до того, как он должен был зазвонить. Взяв мобильный, он деактивировал установку, зевнул и резко встал с дивана.

Побрившись и почистив зубы, Кашеев принял контрастный душ и почувствовал себя так, как будто вчера и не пил. Наспех позавтракав, он аккуратно уложил военную форму в пакет, туда же сунул кожаную папку и покинул съемную квартиру, установив в нижней части двери «маячок».

Именно так называли «контрольку» уголовники, специализировавшиеся на квартирных кражах. «Маячки» домовладельцы устанавливали, чтобы убедиться, что хозяйева намеченной квартиры не вернулись домой. В начале своей карьеры Кашеев имел дело с уголовниками самых разных мастей и многому у них научился.

Выйдя из дома, он на всякий случай проверился насчет «хвоста». «Хвоста» не было, и Кашеев отправился в съемный гараж. Кооператив располагался за каким-то предприятием и назывался «Железнодорожник-2». Пешком до гаража было около пятнадцати минут, и по дороге Кашеев еще раз обдумал свой план.

Его вчерашний собутыльник Непейпиво служил при военном складе экспедитором. Именно он снабжал военных, работавших в Мониной усадьбе, стройматериалами. По этой

простой причине Кашеев и взял Непейпиво в «разработку». Узнать информацию у человека, зело любящего выпить, не проблема для любого. Для опытного же «разработчика» и подавно.

В УСБ Кашеев работал как раз разработчиком. Это высшая ступень в спецслужбах. Чтобы стать разработчиком, сперва нужно не один год попахать опером. Но и это ничего не гарантирует. Разработчиком может стать лишь человек, способный не только к анализу, но и к синтезу. Это и есть коренное отличие опера от разработчика. Опер по имеющимся данным пытается восстановить исходную ситуацию и выйти на неизвестного преступника. Разработчик, наоборот, создает ситуацию, в которой известный подозреваемый поневоле должен проявить свою сущность.

Именно поэтому в знаменитом «Моменте истины» первую скрипку играет вовсе не «волкодав» Таманцев, а хлипкий Алехин. Именно Алехин на опушке окруженного несколькими дивизиями леса мастерски заставляет выдать себя фашистских шпионов, имеющих железные документы.

Кашеев не уступал «смершевцам» ни в подготовке, ни в изобретательности. Однако он был вынужден действовать один, а это существенно ограничивало его возможности. Кашеев понимал, что работать придется скорее всего не столько по плану, сколько по обстановке. Но он был к этому готов.

– Ну и что ты предлагаешь, Витек?

– Теоретически выйти на Кашеева можно двумя путями.

Про один я тебе только что уже сказал...

– В смысле он меня мочит, а ты его в этой своей долбаной маске вычисляешь из засады?

– Вроде того, – кивнул Логинов.

– Спасибо, Витек!

– Да ладно, а то я типа не знаю про твоего двойника! Но это, конечно, хреновый выход... – кивнул Логинов. – Кашееву терять нечего. Сколько он народа при этом может положить, даже подумать страшно. Так что выйти на него желательнее обратным ходом...

– Это как?

– Мы установили личность его поделщика. Не того, которым твои рыбки поужинали, а другого.

– Ну?

– Это некто Якут.

– Вор?

– Не совсем.

– Из братвы?

– Нет, – качнул головой Логинов. – История с ним такая.

В восемьдесят четвертом году под Иркутском взяли кассу леспромхоза. Сто тридцать две тысячи с копейками. По тем

временам это было целое состояние, газеты даже назвали это «сибирским ограблением века». Доказательной базы не было вообще, но иркутские сыщики вычислили Якута. Просто прикинули, кто такое мог повернуть, и оказалось, что только он. Ну и взяли его. Но тут выяснилось, что у него железное алиби, в день ограбления Якут гулял на свадьбе. И триста пятьдесят гостей в один голос утверждали, что пили с ним на брудершафт и прочее. Все понимали, что свидетели были вдрызг пьяными, но опровергнуть алиби не удалось. И Якута выпустили. Но замначальника иркутской уголовки был мужик упертый. И через какое-то время он вычислил подельника Якута. Некого Антошина Станислава Олеговича. Но Антошина взять не удалось. Видно, он просто случайно засек приехавших за ним оперов и как в воду канул. Вероятнее всего, что он по недоумию бросился к Якуту. Ну а тот и спрятал его с концами. А вскоре и сам уехал вроде как к невесте на Дальний Восток... Ну а поскольку на иркутских сыщиков давили из Москвы, они леспромхозовскую кассу вскоре навесили на какого-то гопника, который сдуру оказал вооруженное сопротивление при задержании по другому делу и которого в перестрелке грохнули... Ну а Якут больше в поле зрения правоохранительных органов не попадал. Ни как подозреваемый, ни как свидетель.

– Завязал, что ли?

– Судя по обрывкам оперативной информации, просто с тех пор работал наверняка. Редко, но метко.

– А как Кашеев с ним пересекся?

– В том-то и дело, что Кашеев с ним не пересекался вообще. Но Кашеев работал в главке МВД. А этот главк Генпрокуратура периодически озадачивала на предмет нераскрытых преступлений.

– Так это ж ограбление было типа как раскрыто.

– В том-то и дело, что типа. Денег-то не нашли да и обстоятельства остались невыясненными... В общем, Кашеев изучал материалы и даже выезжал в командировку в Иркутск, но безрезультатно.

– Ну?

– Да что ну, Монь! Значит, Кашеев просто случайно столкнулся с Якутом здесь, в Крыму. И подписал его, чтобы взять твой липовый миллион! Я Плотникова озадачил, но у его агентуры, сам понимаешь, другая специфика. Короче, – Логинов выудил из своей папки непрозрачный файл, – вот тебе данные по Якуту, там всё – паспортные данные, фотки из паспортного стола... Не думаю, чтобы он был в Крыму по чужим документам. А если найти, где он тут обретался, то можно напасть и на след Кашеева.

– Не такой он дурак, чтобы следить.

– На всякого мудреца довольно простоты, Монь, – пожал плечами Логинов.

На воротах арендованного гаража у Кашеева тоже были «маячки», целых два. Поэтому сперва он прошел мимо. «Маячки» были на месте, ничего подозрительного в гаражном кооперативе не происходило.

Кашеев вернулся к воротам и отпер их. Внутри стояла неприметная «семерка», купленная Кашеевым по доверенности. Для его скромного бюджета это был серьезный удар, однако другого выхода просто не было.

Войдя внутрь, Кашеев включил свет и закрыл за собой створки на запор. На купленной по доверенности «семерке» он вчера привез в гараж несколько мешков строительных смесей.

Надев спецовку, Кашеев натянул на себя респиратор с очками. После этого он принялся колдовать над мешками со стройматериалами. В век Интернета любой тинейджер знает, что удобрения – это, по сути, те же взрывчатые вещества. Но строительные смеси, как ни странно, тоже взрывчатые вещества, не совсем, правда, а вроде как полуфабрикаты.

И Кашеев принялся ссыпать их в определенных пропорциях. Поморочиться пришлось прилично, но в итоге у него получилось шесть мешков взрывчатки. По эффективности полученная смесь значительно уступала не только «Си-4», но даже банальному тротилу. А мешок тротила взорвет мост

ничуть не хуже, чем полкило «Си-4». И шесть мешков «строительной» взрывчатки должны были вызвать примерно тот же разрушительный эффект.

Напоследок Кашеев снабдил два мешка самодельными взрывателями. Вообще говоря, было вполне достаточно и одного. Но Кашеев решил перестраховаться. Завязав мешки, он прошел к запертым воротам гаража, сдернул с головы респиратор с очками и осторожно выглянул на улицу.

Там все было спокойно, и Кашеев, отодвинув запор, открыл ворота. На улицу сквозняком выдуло облачко поднимающейся в воздух строительной смеси. Кашеев шагнул в сторону, присел на корточки и закурил.

Из проезда вдруг послышался звук быстро приближающейся машины. Кашеев повернул голову и увидел резко вывернувшийся из-за угла милицейский «уазик». Дергаться было поздно, и Кашеев остался сидеть. «Уазик» приблизился и резко затормозил. Из распахнувшейся дверцы выскочил милиционер...

Докурив, Моня прошел к журнальному столику и расплющил в пепельнице окурок. Потом плюхнулся на стоящее рядом современное кресло и раскрыл непрозрачный файл Логинова. Документов, точнее копий стандартных бланков из паспортного стола и ОВИРа там было немного.

Моня быстро просмотрел их, потом поднял голову на растянувшегося в стоящем по другую сторону стола кресле Логинова. Тот, вопрошая, кивнул:

– Ну, что скажешь?

Моня вздохнул:

– Я, Вить, с вашей конторы фигею! Без баяна! Хорошо вы устроились на своей Лубянке! Сидите там, блин, в своих полковничьих кабинетах и репы чешете, пока какой-нибудь Кащеев на соседнем этаже проворачивает свои темные делишки! А как этот самый Кащей натянет вас, как петлюоровскую гармошку, блин, и смоеется спокойно куда-нибудь подальше, искать его посылают какого-нибудь хитросделанного кренделя, навроде тебя, Витек! И этот хитросделанный крендель приезжает с тонкой папочкой и сует ее кому-нибудь в рыло! На, мол, вынь да положи мне мокрушника и предателя, а то он нас шибко поймел и кинул...

Логинов, глядя на злую Монину рожу, невольно улыбнулся.

– Чего ржешь? – еще больше разозлился тот. – Я че, блин, не прав? Этот ваш долбаный Кашей мне триста лет не тарахтел! Тем более что я ж его, блин, один раз вам уже выловил и сдал! Так вы ж его, блин, опять профукали!

С этими словами Моня сунул листы в файл и шлепнул его на журнальный столик. А сам, сунув руки в карманы шорт, засопел, как паровоз, уставившись на свои вытянутые ноги.

– Да бога ради, Моня, – проговорил после паузы Логинов. – Не хочешь помогать, это твое личное дело. Я же просто хотел как лучше. Ты «Золотого теленка» читал?

– Чего?.. – нехотя посмотрел на Логинова Моня.

– Говорю, ты «Золотого теленка» читал? Ильфа и Петрова?

– Не читал...

– Ах, ну да! У тебя ж было трудное детство, – хмыкнул Логинов.

– Только не надо съезжать на детство! Книгу я не читал, некогда было, но кино смотрел! Ну?

– Да что ну, Монь? Там был такой плакат: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

– Ты это к чему?

– Да все к тому же! Я, Монь, извини, не в состоянии обеспечить тебе президентскую охрану, чтобы обезопасить до тех пор, пока доберусь до Кашеева...

– Давай, Витек! Вешай мне лапшу на уши! Еще скажи, что, если Кашеев меня грохнет, ты этого не переживешь или

вообще переедешь в Крым, чтобы каждый день приносить свежий букетик на мою могилку!

– Ну зачем же так... Пережить я, Моня, это как-нибудь переживу. Тем более что в Одессе ты, помнится, очень ловко прикинулся невинно убиенным...

– Да-да, Витек! И слышал своими ушами, сидя в подвале, чего ты про меня в тот день Лизке говорил...

– Да я это, Моня, и еще раз могу повторить. Сказать, что ты ангел, у меня, извини, не повернется язык. Но при всем при этом, Монь, если Кашеев до тебя доберется, я буду чувствовать себя виноватым. И никогда себе этого не прощу...

– Я сейчас расплачусь, Витек!

– Да дело не в тебе, Монь. Дело во мне. Я привык спасать людей, невзирая на то, кто они и что. Это моя работа. И моя жизнь. И когда я был в «Альфе», и теперь.

Логинов посмотрел в пол и вздохнул. Потом поднялся и взял файл с журнального столика.

– Ладно, Монь. Я тебя предупредил, так что смотри... От Кашеева можно ожидать всего. Поэтому самое лучшее для тебя – как можно скорее смыться на какие-нибудь богом забытые Мальдивы и пересидеть там, пока все это не закончится...

– Ага! На Мальдивы, блин! А поездку мне кто оплатит? Ваша контора?

– К сожалению, Моня, у нас пока нет программы защиты свидетелей. А если бы и была, то тебя под нее подогнать было

бы крайне проблематично. Разве что временно переселить вас с Лизкой и Шварцем в какое-нибудь оленье стойбище на Крайнем Севере...

– Ага, я еще только замерзших какашек из задницы не выковыривал! Сам живи в оленьем стойбище, Витек! И папку, блин, положи, раз привез!

– Так что, Монь? Работаем вместе?

– А что мне еще остается, блин! Вы ж меня со всех сторон обложили, как волка! Стройку, блин, не бросишь! Она ж шаровая! А надеяться, что ты сам нароешь Кашеева, точно в ящик сыграешь! Блин, Витек, мои б глаза тебя не видели! Сядь, в натуре, не дави на психику! Она у меня и так вашей конторой подорванная! Еще чуть-чуть, и на дурку загремлю, ей-богу!

Выскочивший из «уазика» милиционер был одет в форму старшего лейтенанта, хотя годков ему было под сорок, не меньше. За рулем «уазика» сидел пожилой водила с погонями старшины. Водитель был без оружия. У старлея на поясе висела кобура. Застегнутая.

– Здорово, сосед! – кивнул старлей Кашееву. – Строишься?

Кашеев повернул голову в сторону ворот своего гаража, из которых сквозняком продолжало выдувать белесое облако.

– Собираюсь погреб смастерить! – сказал Кашеев и поднялся с корточек.

Старший лейтенант остановился в метре от него и вытащил из кармана пачку «Парламента».

– Дело нужное! – кивнул он. – Картошка, консервация, капуста... Я тоже собираюсь расширяться. Поможешь разгрузиться?

– Да чего ж не помочь по-соседски? – пожал плечами Кашеев. – Я вам, вы мне, ежели что...

– Правильно считаешь! Ну, давай, подходи в темпе! А то я же при исполнении, на дежурстве! На полчасика отлучился!

Пыхнув «Парламентом», старлей прыгнул в «уазик», тот рванулся с места и, проехав метров пятнадцать, резко оста-

новился. Пока старлей отпирал многочисленные замки на своем гараже, водитель-старшина развернулся задом к воротам.

Старлей открыл их и нетерпеливо оглянулся.

– Давайте, ребятки, давайте!

Кашеев в своей спецовке подошел к «уазику». Водитель выскочил из кабины с рабочими рукавицами. Натянув их на ходу, он открыл заднее «арестантское» отделение «уазика». В нем плотным штабелем лежали мешки с цементом.

В гараже стоял дизельный «мерс» года девяностого выпуска. Старлей протиснулся мимо него к дальней стенке и ткнул сигаретой в стеллаж:

– Вот сюда, ребятки! Аккуратненько!

Кашеев, у которого рукавиц не было, поплевал на ладони, и они со старшиной сняли верхний мешок. Процесс выгрузки покуривавший за своим «мерсом» старлей сопровождал указаниями:

– Осторожненько, осторожненько, машину мне не поцарапайте!.. Ровнее, ребятки, ровнее кладите!.. Мешок не порвите!.. Вот так!

Наконец весь цемент оказался в гараже. Отдувающиеся Кашеев и старшина вышли на улицу, отирая взмокшие лбы. Старлей живчиком вынырнул следом и, выбросив окурочек, принялся торопливо запирать замки.

Покончив с ними, старлей развернулся и небрежно бросил Кашееву:

– Давай, сосед! Стройся! Если что, обращайся...

– Так что, Монь, людей Плотникова из Севастополя подтягивать?

– Куда ты их, блин, собираешься подтягивать? У меня и так не усадьба, а военный лагерь!

– Да при чем тут твоя усадьба? Я имел в виду другое. Твоя охрана все время на виду, Кашеев вычислит твоих секьюрити, даже если ты вырядишь их нищими. А людей Плотникова он в лицо не знает. В общем, я мыслю так: во всех поездках люди Плотникова будут тебя незаметно сопровождать, выполняя функции контрнаблюдения...

– Спасибо, Вить, но я пока что свою миссионерскую программу временно приостановил! Куда, блин, с таким глазом к пастве соваться? Ну а теперь тем более!

– Хозяин – барин, – кивнул Логинов. – Но резерв нам и здесь не помешает. В общем, я уже озадачил Плотникова, чтобы он за сегодня-завтра через своих доверенных лиц арендовал на Хаджибеевской слободке пару домов, если получится. И разместил в них своих оперов под прикрытием. Если наладить нормальное взаимодействие с твоей охраной, это почти гарантия, что к твоей усадьбе незаметно и мышшь не просочится...

Моня почесал свой тройной подбородок и кивнул:

– Это нормальный ход, Витек! Я своего начальника охра-

ны озадачу!

– Да рано его озадачивать, – сказал Логинов. – Надо сперва людей Плотникова перебросить, а это не так-то просто... Но, в принципе, все должно получиться. Я сегодня еще хочу осмотреть местность, чтобы разработать план перехвата. На случай, если Кашеев все-таки просочится...

– Спасибо, Витек!

– Надо предусмотреть любой вариант, – серьезно сказал Логинов. – Потому что Кашеев, Моня, это Кашеев...

Старлей прыгнул в дежурный «уазик» и укатил на службу. Кашеев, глядя ему вслед, вернулся к своему гаражу. Недалекому ментяре даже в голову не пришло, что буквально на его глазах готовился взрыв, о котором уже к вечеру будет гудеть весь Крым.

Кашеев заглянул в гараж. Пыль еще не осела до конца, и он, присев на корточки, снова закурил. План Кашеев составил, исходя из полученной от Непейпиво информации. Однако слишком многое в этом плане зависело от стечения обстоятельств. Но отступить Кашеев не собирался. Докурив сигарету, он решительно поднялся и, расплющив носком обуви окурок, вернулся в гараж.

Образовавшиеся в результате смешивания шесть мешков взрывчатки он погрузил в багажник купленной по доверенности «семерки». После этого Кашеев наконец снял грязную спецовку и вывел машину из гаража. Заперев ворота, он направился в сторону выезда на Севастополь.

Полчаса спустя «семерка» уже подъехала к большому рынку стройматериалов, расположенному на окраине. Охвативший Крым строительный бум сделал этот вид торговли таким же популярным, каким в свое время было «челночество». У растянувшихся почти на полкилометра контейнеров копошилась куча народа. Вдоль дороги нескончаемой

вереницей стояли машины. Затеряться в этом муравейнике было проще простого.

Кашеев припарковал «семерку» и обошел рынок, выбирая подходящее место. Десять минут спустя он вернулся к машине и кружным путем выбрался на задворки рынка. Там он остановил «семерку» сбоку от закрытого контейнера и посмотрел на часы.

Время было начало одиннадцатого. Кашеев перекурил, вытащил телефон и позвонил бравому прапорщику Непейпиво. Тот ответил только после пятого или шестого гудка:

– Да!..

Голос у Непейпиво был хриплый, вчерашней бодрости в нем не ощущалось вообще. Скорее, ответ напоминал крик умирающего лебедя.

– Здравствуй, Толь! Это Гриша!

– Здорово, Гриш!.. – невнятно пробубнил Непейпиво и закашлялся. – Ты как, братка? Домой вчера нормально-то добрался?

Не нужно было быть ни доктором, ни экстрасенсом, чтобы поставить болящему Непейпиво диагноз, даже по телефону – острый синдром абстиненции на фоне алкогольной амнезии на предшествующие события. Было ясно, что прапорщик погибает с жуткого похмелья и вчерашний вечер помнит, мягко говоря, слабовато.

– Да вроде нормально, – включился в игру Кашеев. – Ты ж на седьмой этаж к Таньке пошел, а я...

– Так я вчера к Таньке ходил, Гриш?

– Ну да!

– В форме?

– В форме, Толь! Как положено. И наодеколоненный...

– Вот, ёшкин кот, а я думаю с утра, где мой военный билет!

– А что, нету?

– Нету, Гриш... Но теперь найдется, я его точно у Таньки посеял!

– Ну и слава богу! – с оптимизмом произнес Кашеев. – Ты это, Толь, не забыл, что мы договаривались, что ты сегодня перед обедом поможешь мне с рынка стройматериалы закинуть в гараж?

– Почему забыл! Непейпиво ничего не забывает... – проговорил Непейпиво, хотя по его тону чувствовалось, что припоминает он это с трудом.

– Ну тогда во сколько тебя ждать, Толь? А то я уже закупился, на мешках тут загораю. И чекушка греется в кармане. Без тебя, Толь, не хочется поправляться...

– Так, а на каком рынке, Гриша? – быстро спросил Непейпиво.

Впервые за весь разговор в его голосе появились бодрые нотки.

– Тот, который у севастопольской трассы, Толь. На выезде.

– А-а, понял! Минут через тридцать-сорок, Гриш! Быст-

рее не получится!

– Ну, тогда жду, Толь! Как приедешь, позвонишь!

– Договорились, братка!

– Ладно, Моня, буду я выдвигаться, – поднялся из кресла Логинов. – Хочу успеть как следует оглядеть окрестности. А ты, главное, приведи в чувство свою охрану. А то если они меня прощелкали, то могут и Кашеева...

– Приведу! – кивнул Моня, тоже поднимаясь. – Шварц, Шварц!

За дверью затопали ноги, рожа Шварца просунулась в щель.

– Чего?

– Чего-чего? Витю проводи, блин!

Из-за Шварца в щель просунулась Лизка.

– Ой, Витечка! Ты че, уже уходишь, да? А может, пообедать с нами, зайчик? Я стейков замариновала, можно барбекю приготовить!

– Какое, блин, барбекю с инспектором? – рявкнул Моня. – Совсем ни хрена не соображаешь?

– А что тут такого, Монь? Может, он не просто инспектор, а главный!

– Да нет, Лиза, – крутанул головой Логинов. – Спасибо, но сейчас не до барбекю...

– Ой, ну я тебя тогда хоть проведу! Можно, Монь?

– Проведи, – хмуро кивнул Моня, которого известие о воскрешении Кашеева начисто лишило либидо. – Только из

дома не выходи!

– Ну, давай, Моня! – кивнул Логинов. – Если что, сразу звони.

– Давай, Витек!

Они пожали друг другу руки, и Логинов направился к выходу из Мониной спальни. В этот самый момент с улицы, из-за плотно прикрытых жалюзи окон, донесся взрыв гомерического смеха. Моня удивленно оглянулся...

Двадцать минут Кашеев посидел в своей «семерке», откинувшись на подголовник и прикрыв глаза. Он отдыхал и набирался сил. Ведь играть на этот раз предстояло качественно. И любая фальшь могла привести к тому, что его план затрещит по швам уже в самом начале.

Наконец Кашеев глубоко вздохнул и открыл глаза. Посмотрев на часы, он выбрался из «семерки», запер ее и двинулся к дороге. Там Кашеев пристроился с сигаретой за огромной горой мешков и стал ждать.

Наконец со стороны Симферополя показался знакомый грузовик с тентом. Кашеев чуть сместился. Грузовик сбросил скорость и начал прижиматься к обочине. В тот же миг у Кашеева зазвонил мобильный.

– Да, Толь! – быстро ответил он.

– Это я, Гриш! Прибыли! Куда подъезжать-то?

– Сейчас разберемся! Встаньте пока где-нибудь, а я тебя встречу у центрального входа! Там такой контейнер с тачкой на крыше, видишь?

– Вижу! – отозвался после паузы Непейпиво.

– Подходи к нему, Толь!

Минуту спустя Кашеев вынырнул из бурлящей толпы и тронул за рукав оглядывающегося по сторонам Непейпиво.

– Здорово, Толь!

– Здоров, Гриш! – протянул потную руку Непейпиво.

Выглядел он, как и положено после попойки, – рожа опухшая, глаза красные, губы потрескавшиеся. Кашеев, не давая прапорщику опомниться, тут же увлек его за собой.

– Там, Толь, какая-то фура разгружаться встала! Сейчас глянем, уехала или нет, заодно примем по паре капель, а то я тебя еле дождался! Муторно и башка трещит. А ты как?..

– Да не фонтан, – дернул головой Непейпиво. – Мы вчера что, два пузыря оприходовали?

– Два с половиной, Толь! Ты еще чекушку медовухи где-то взял!

– Во, блин! А я-то думаю, чего так хреново! А это, оказывается, от медовухи!

– Да я тебе говорил, что не надо мешать... Ну ничего, сейчас поправимся!

Выйдя из-за закрытого контейнера, Кашеев извлек из кармана ключи и шагнул к «семерке».

– Знакомый попросил посторожить, – оглянулся он на Непейпиво. – Так что подлечимся культурно!

Будь на месте Непейпиво ментовский опер или военный контрразведчик, его непонятно откуда взявшаяся «семерка» насторожила бы. Но Непейпиво был туповатым прапором, мучимым похмельем. И он покорно плюхнулся на заднее сиденье «семерки». Кашеев быстро обошел машину и забрался внутрь с другой стороны.

– Оп-ля! – проговорил он, извлекая из кармана плоскую

чекушку коньяка.

Коньяк Кашеев выбрал неслучайно. Но и это не насторожило Непейпиво. Кашеев наклонился вперед, достал и протянул прапорщику пару пластиковых стаканчиков.

– Держи, Толь!

Непейпиво вытащил стаканчики один из другого и сказал:

– Только мне не полный, Гриш! Мне сегодня еще работать!

– Да нет, по граммуле, чисто для поправки! Вечерком оприходуем! А потом и к твоей Таньке заглянем, насчет женского полу!

– Главное, сразу билет надо у нее найти!

– Найдем, Толь, найдем! – Свинтив пробку, Кашеев начал наполнять стаканчики. – У тебя водила сегодня твой? Или другого дали?

– Мой, – кивнул Непейпиво, жадно глядя на коньяк. – Заец, Иван!

– Ну, давай! – быстро сунул бутылку в кармашек сиденья Кашеев.

Непейпиво протянул ему стаканчик и символически чокнулся:

– Вздрогнули, Гриш!

– Вздрогнули! – кивнул Кашеев и сделал движение, как будто и вправду собирался выпить.

Непейпиво запрокинул голову и натужно вылакал свою дозу. Кашеев же развернулся к дверце, изобразив, будто ко-

го-то увидел через боковое стекло.

– Знакомый идет, – проговорил он, косясь на Непейпиво. – Придется и ему, наверное, налить... Ты с нами при-
мешь, Толь, или баста?

Говоря это, Кашеев развернулся к Непейпиво. Тот уже прикрыл глаза и расслабленно клонился на спинку сиденья.

– Не зна... – проговорил прапорщик и уснул, разжав руку.

Пластиковый стаканчик плюхнулся на пол. Датское снотворное сработало как часы. В основном оно использовалось в наркодиспансерах для снятия синдрома абстиненции. Одной таблетки было достаточно, чтобы буйный алкаш мгновенно провалился в глубокий сон на двое-трое суток.

Кашеев на всякий случай запрокинул голову Непейпиво и влил в него и свой коньяк. Глотательный рефлекс сработал, так что содержимое стаканчика только чуть-чуть вылилось из приоткрытого рта Непейпиво. Но это придало ему более натуральный вид.

Кашеев на всякий случай огляделся по сторонам. Однако стекла «семерки» были сильно тонированными, так что произошедшее в машине осталось незамеченным. Кашеев уложил посапывающего Непейпиво в угол, сунул стаканчики один в другой и спрятал их в карман сиденья туда, где лежала бутылка с коньяком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.